Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой электронный
научно-практический журнал
частного и публичного права

pravojournal.ru 1 (6) / 2020

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой электронный научно-практический журнал частного и публичного права

№ 1 (6)
Вологда 2020

Издается с июня 2018 года
Выходит четыре раза в год

Учредители:
Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода в свет: 28.02.2020
Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru
Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г.

© ВИПЭ ФСИН России, 2020
© ВоГУ, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук, доктор исторических наук, доцент;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Санташов А. Л. – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Сухондяева Т. Ю. – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Углицких Д. В. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛОДОВ О. Б.
Особенности правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в СССР в период позднего социализма 5

КАПУСТИНА А. И.
Проблемы правового регулирования рекламы и рекламной деятельности и пути их решения 9

ВОНТОВА Н. Е.
К вопросу о классификации электронных доказательств в гражданском судопроизводстве 12

УГЛИЦКИХ Д. В.
Правовые вопросы наследования неисключительных авторских прав 17

КУБАСОВ А. Л., ПОПОВА Д. В.
Юридическая ответственность медицинских работников в случае смерти пациента 21

НИКОЛАЕВА М. И., САВЕЛЬЕВ И. И., ГОЛОВИНСКАЯ И. В.
Уголовно-правовые средства противодействия коррупции 25

ЧУМАКОВА И. И.
Доведение до самоубийства: особенности субъективной стороны 30

УТОРОВА Т. Н., СИЗОВ Д. О.
Преступность в космосе – фантастический поворот действительности 34

СЕМЕНКО А. А., НЕКРАСОВ В. Н.
Насильственные преступления, совершаемые осужденными в отношении персонала исправительного учреждения: особенности предупреждения 38

КАРТАШОВ И. И., САЛИКОВА В. В.
Особенности предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о применении принудительных мер медицинского характера 41

ПЛОЩАДКА ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

КАРАВАЕВА Ю. И.
Направления исследований проблем назначения и исполнения уголовных наказаний: обзор научных статей 46

CONTENT

MOLODOV O. B.
Features of the legal regulation of state-confessional relations in the USSR during the period of late socialism 5

KAPUSTINA A. I.
Problems of legal regulation of advertising and advertising activities and ways of their decision 9

VONTOVA N. E.
To the question of classification of electronic evidence in civil proceedings 12

UGLITSKIKH D. V.
Legal issues of inheritance of non-exclusive copyrights 17

KUBASOV A. L., POPOVA D. V.
Legal liability of medical personnel in case of a patient death 21

NIKOLAEVA M. I., SAVELYEV I. I., GOLOVINSKAYA I. V.
Criminal remedies against corruption 25

CHUMAKOVA I. I.
Bringing to suicide: features of the subjective side 30

UTOROVA T. N., SIZOV D. O.
Crime in space – a fantastic turn of reality 34

SEMENKO A. A., NEKRASOV V. N.
Violent crimes committed by convicts against prison staff: specifics of prevention 38

KARTASHOV I. I., SALIKOVA V. V.
Features of preliminary investigation and trial of cases on application of compulsory medical measures 41

SITE FOR DISCUSSION

KARAVAEVA YU. I.
Areas of research the problems of appointment and execution of criminal sentences: a review of scientific articles 46

УДК 342.41

Особенности правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в СССР в период позднего социализма

О. Б. МОЛОДОВ – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат исторических наук

В статье раскрываются особенности правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР в 1960–1980-е гг. В данный период сложилась ситуация, когда конституция и законы отличались декларативностью, а отношения государства и церкви регулировали ведомственные акты, часто носившие закрытый характер. Коллизии и пробелы в законодательстве создавали предпосылки для его произвольного толкования и применения местными чиновниками.

Ключевые слова: государство; религиозные объединения; Русская православная церковь; законодательство; правовое регулирование; применение права.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Features of the legal regulation of state-confessional relations in the USSR during the period of late socialism

O. B. MOLODOV – Associate Professor of the Law Department of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD. in History

The article describes the features of the legal regulation of state-church relations in the USSR in the 1960–1980s. During this period a situation developed when the constitution and laws were declarative in nature, and departmental acts, often of a closed nature, regulated the relations between the state and the church. Collisions and gaps in the legislation created the prerequisites for its arbitrary interpretation and application by local officials.

Key words: state; religious associations; Russian orthodox church; legislation; legal regulation; application of law.

12.00.01 – Theory and history of law and state; the history of doctrines on law and state

Правовое регулирование взаимоотношений государства с религиозными объединениями постоянно находится в центре внимания законодателя и исследователей государственно-конфессиональных связей (юристов, историков, религиоведов). Изучение опыта реализации конфессиональной политики в предшествующие эпохи представляется актуальным в связи с тем, что в наше время формально провозглашенные конституционные принципы светского государства на практике применяются непоследовательно, создавая многочисленные правовые и политические коллизии[1].

Исследуемый период советской истории (1960–1980-е гг.) в целом отличался относительной стабильностью, что нашло отражение и в сфере вероисповедной политики. Вместе с тем под влиянием общественных процессов тогда начались позитивные для религиозных конфессий изменения во взаимоотношениях с государством.

Целью настоящей статьи является выявление особенностей правового регулиро-

вания государственно-конфессиональных отношений в указанный период, определение специфики соотношения нормативных актов, действовавших в последние десятилетия существования СССР.

В рассматриваемый временной отрезок сформировались особая правовая система и система законодательства, основанные на идеологических установках марксизма-ленинизма. Принятию нормативных правовых актов в сфере вероисповедной политики обычно предшествовали постановления высшего партийного органа – ЦК КПСС, в частности Постановление ЦК КПСС от 13.01.1960 «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», сыгравшее особую роль в усилении давления на духовенство и верующих в период хрущевской антирелигиозной кампании. Кроме того, регулярно выпускались постановления ЦК КПСС, поднимающие вопросы атеистической пропаганды и борьбы с чуждыми идеологическими установками.

Совокупность источников советского права имела специфические черты, во многом обусловленные уникальностью системы органов государственной власти и управления (отсутствие единоличного главы государства, традиционного парламента, автономных органов местного самоуправления и т. п.). Развивалось ведомственное нормотворчество, имевшее подзаконный характер.

Период позднего социализма (1960–1980-е гг.) был частью почти полувекового этапа государственно-конфессионального общения, начавшегося осенью 1943 г., когда произошли важные изменения, заключавшиеся в потеплении отношений между традиционными конфессиями и центральной властью. Были зарегистрированы тысячи общин верующих, начала возрождаться система управления Русской православной церковью, было восстановлено патриаршество, открывались духовные учебные заведения и редакции периодических изданий[2]. Вновь созданные Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов со своими уполномоченными в регионах, игравшие роль буферных органов в отношениях государства с религиозными конфессиями, в 1965 г. объединились в единый Совет по делам религий (далее – СДР).

Основополагающим нормативным актом, регулирующим государственно-конфессиональные отношения в течение всего советского периода, был Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[3]. Если в первой части декрета содержались принципиальные положения о светском характере государства и равенстве конфессий, то его заключительные статьи лишали церковные и религиозные общества прав юридического лица (ст. 12) и возможности обладать имуществом на правах собственности (ст. 13)[4]. Нормы эти фактически действовали до 1990 г., когда был осуществлен переход к новой конфессиональной политике.

Нормативные акты, обладающие высшей юридической силой (конституции СССР и РСФСР), закрепляли принципы светского характера государства и свободы совести и вероисповедания наряду с возможностью вести атеистическую (антирелигиозную) пропаганду. Конституционные нормы, утверждавшие вероисповедные свободы, имели декларативный характер и в правоприменительной практике значения не имели. Принятие новых Основных законов – Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. – существенного влияния на государственно-конфессиональные отношения не оказало.

Законы в форме указов и постановлений Верховного Совета СССР регулировали отдельные общественные отношения, касающиеся статуса духовенства как особого социального слоя (в частности, взимание подоходного налога и квартирной платы).

Новый этап государственной конфессиональной политики был ознаменован принятием закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» 1990 г., который, несмотря на прогрессивный характер, содержал многочисленные коллизии, неопределенные формулировки, пробелы, настойчиво напоминал о праве на атеистические убеждения[5]. В первые годы существования суверенной Российской Федерации, выступая в роли основного регулятора государственно-конфессиональных отношений, данный закон способствовал бесконтрольному росту новых религиозных движений и культов, часть которых имела деструктивный характер.

В период позднего социализма особая роль отводилась подзаконным актам, порой не соответствовавшим духу и букве закона. Большое значение для реализации вероисповедной политики того периода имели постановления Совета министров СССР от 16.03.1961 № 263 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах»

и от 18.02.1964 № 203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». На основании данных документов на местах проводилась работа по учету имущества действующих религиозных организаций и незарегистрированных собраний верующих, посещаемости храмов[6], а также вытеснению религиозных обрядов из повседневной жизни жителей страны[7].

Совет по делам религий при Совете министров СССР, будучи специализированным органом контроля за регистрацией и деятельностью религиозных объединений, имел широкие полномочия и занимался собственным нормотворчеством, принимая постановления, инструкции, инструктивные письма и разъяснения в рамках своей компетенции. Тексты его актов обычно имели закрытый характер, гриф «Для служебного пользования» и распространялись через региональных уполномоченных. Не доходя до заинтересованных лиц (духовенства и верующих), они применялись в качестве регуляторов деятельности клириков, религиозных общин и групп. Наибольшую известность приобрела Инструкция по применению законодательства о культах 1961 г., почти три десятилетия определявшая порядок регистрации религиозных объединений и закрытия приходов, права верующих и ограничения в культовой деятельности духовенства, возможности пользования имуществом религиозного назначения. Представители духовенства и активные верующие могли узнать об ограничениях и запретах, касающихся деятельности общины, только от региональных уполномоченных СДР, злоупотреблявших данным обстоятельством и произвольно толковавших нормы названной инструкции[8]. Важно отметить, что в деятельности СДР реализовывались не только контрольно-надзорные, но и информационно-консультативные функции. Положительную роль совета можно усмотреть в защите прав клириков и духовенства от произвола местных властей[9].

В синодальный период истории России (XVIII – начало XX вв.) значительное место в правовом регулировании занимало церковное право, нормы которого частично включались в действовавшее законодательство. В течение советского периода истории государственно-конфессиональных отношений оно игнорировалось в качестве регулятора общественных отношений и в ходе правотворчества не принималось во внимание. Результатом этого стала коллизионность, существующая и в наши дни[10]. В современной юридической науке по-прежнему отсутствует единство в понимании места церковного права в светском государстве, но большинство ученых не включают его в национальную правовую систему и указывают на его корпоративный характер[11].

Результаты исследования показали, что создаваемые в 1960–1980-е гг. источники церковного права иногда использовались властями в качестве инструмента, направленного против церкви и верующих. Так произошло в 1961 г., когда на Архиерейском соборе была установлена новая система управления православным приходом, нарушавшая канонические нормы путем принижения положения настоятеля. В том же году под давлением уполномоченного СДР распоряжением правящего архиерея был запрещен колокольный звон во всех храмах Архангельской православной епархии[12].

Как отмечают исследователи, применение законодательства о культах выходило за пределы репрессивных мер по отношению к духовенству и верующим, предусмотренных этим законодательством[13]. Кроме того, имела место некая односторонняя обязательность: акцент делался на соблюдении соответствующих правовых норм духовенством и верующими, а от должностных лиц государственных органов этого фактически не требовалось.

Главной особенностью изучаемого периода было то, что в условиях идеологической монополии КПСС в сфере государственно-конфессиональных отношений особая роль принадлежала не действовавшим правовым актам, а партийным постановлениям по вопросам атеистической пропаганды.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Шаляпин С. О. Сравнительно-правовая классификация современных моделей государственно-конфессиональных отношений // Вестн. РУДН. Серия : Юрид. науки. 2014. № 2. С. 165.

[2] См.: Якунин В. Н. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны // Москов. журн. История гос-ва Российского. 1995. № 1. С. 14–21.

[3] См.: Молодов О. Б. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: содержание и значение // История гос-ва и права. 2016. № 1. С. 14–19.

[4] См.: Дорская А. А. Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность : моногр. СПб., 2012. С. 77.

[5] См.: Полозова К. А., Федотов А. А. Роль интеллигенции в подготовке и принятии Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (1990 г.) и итоги его действия // Интеллигенция и мир. 2013. № 1. С. 24.

[6] См.: Полозова К. А., Федотов А. А. Гендерный аспект реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929–1990 гг. // Женщина в рос. обществе. 2013. № 4. С. 58.
[7] См.: Молодов О. Б. Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»: содержание и значение. С. 14–19.
[8] См.: Гераськин Ю. В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2008. № 4-4 (60). С. 45–51.
[9] См.: Маслова И. И. Исторические уроки государственно-конфессиональной политики в России: анализ деятельности Совета по делам религий (1965–1985 гг.) // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 517.
[10] См.: Петюкова О. Н. Правовая природа государственно-церковных правоотношений // Ленингр. юрид. журн. 2010. № 3 (21). С. 13.
[11] См.: Петюкова О. Н. Проблемные аспекты определения места церковного права в современной системе права // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2010. № 3. С. 147.
[12] См.: Молодов О. Б. О запрете колокольного звона в Архангельской области в 1950–1980-е гг. // Вестн. Череповец. гос. ун-та. 2012. Т. 1. № 3 (40). С. 18–21.
[13] См.: Полозова К. А., Федотов А. А. Гендерный аспект реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929–1990 гг. С. 64.

[1] Sm.: SHalyapin S. O. Sravnitel'no-pravovaya klassifikaciya sovremennyh modelej gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij // Vestn. RUDN. Seriya : YUrid. nauki. 2014. № 2. S. 165.
[2] Sm.: YAkunin V. N. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Moskov. zhurn. Istoriya gos-va Rossijskogo. 1995. № 1. S. 14–21.
[3] Sm.: Molodov O. B. Dekret SNK RSFSR «Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly ot cerkvi»: soderzhanie i znachenie // Istoriya gos-va i prava. 2016. № 1. S. 14–19.
[4] Sm.: Dorskaya A. A. Pravovoj rezhim imushchestva religioznogo naznacheniya v Rossii: istoriya i sovremennost' : monogr. SPb., 2012. S. 77.
[5] Sm.: Polozova K. A., Fedotov A. A. Rol' intelligencii v podgotovke i prinyatii Zakona RSFSR «O svobode veroispovedanij» (1990 g.) i itogi ego dejstviya // Intelligenciya i mir. 2013. № 1. S. 24.
[6] Sm.: Polozova K. A., Fedotov A. A. Gendernyj aspekt realizacii zakonodatel'stva, reguliruyushchego religioznuyu sferu v SSSR v 1929–1990 gg. // ZHenshchina v ros. obshchestve. 2013. № 4. S. 58.
[7] Sm.: Molodov O. B. Dekret SNK RSFSR «Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly ot cerkvi»: soderzhanie i znachenie. S. 14–19.
[8] Sm.: Geras'kin YU. V. Vozniknovenie i stanovlenie instituta upolnomochennogo Soveta po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi pri Sovete ministrov SSSR // Izv. Altajsk. gos. un-ta. 2008. № 4-4 (60). S. 45–51.
[9] Sm.: Maslova I. I. Istoricheskie uroki gosudarstvenno-konfessional'noj politiki v Rossii: analiz deyatel'nosti Soveta po delam religij (1965–1985 gg.) // Izv. PGPU im. V. G. Belinskogo. 2011. № 23. S. 517.
[10] Sm.: Petyukova O. N. Pravovaya priroda gosudarstvenno-cerkovnyh pravootnoshenij // Leningr. yurid. zhurn. 2010. № 3 (21). S. 13.
[11] Sm.: Petyukova O. N. Problemnye aspekty opredeleniya mesta cerkovnogo prava v sovremennoj sisteme prava // Vestn. Moskov. un-ta MVD Rossii. 2010. № 3. S. 147.
[12] Sm.: Molodov O. B. O zaprete kolokol'nogo zvona v Arhangel'skoj oblasti v 1950–1980-e gg. // Vestn. CHerepovec. gos. un-ta. 2012. T. 1. № 3 (40). S. 18–21.
[13] Sm.: Polozova K. A., Fedotov A. A. Gendernyj aspekt realizacii zakonodatel'stva, reguliruyushchego religioznuyu sferu v SSSR v 1929–1990 gg. S. 64.

УДК 659.1

Проблемы правового регулирования рекламы и рекламной деятельности и пути их решения

А. И. КАПУСТИНА – магистрант кафедры гражданского права Ивановского государственного университета

В статье рассматриваются правовое регулирование рекламы и существующие в данной сфере проблемы. Отдельное внимание уделено понятиям «реклама», «рекламная деятельность» и «продактплейсмент». Раскрывается соотношение понятий «реклама» и «оферта», выделяются их отличительные признаки. Автор предлагает внести изменения в федеральный закон «О рекламе», ст. 437 ГК РФ.

Ключевые слова: реклама; рекламная деятельность; стимулирующие мероприятия; продактплейсмент.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Problems of legal regulation of advertising and advertising activities and ways of their decision

A. I. KAPUSTINA – Master's student of the Department of Civil Law of the Ivanovo State University

The article discusses the legal regulation of advertising, existing problems in this area. Special attention is paid to the concepts of "advertising", "advertising activity" and "product placement". The correlation of the concepts of "advertising" and "offer", their distinguishing features are revealed. The author proposes to amend the federal law «On Advertising», Art. 437 of the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: advertising, advertising, promotional events, product placement.

12.00.03 – Civil law; business law; family law; international private law

Надо признать, что сегодня реклама – это постоянный спутник каждого из нас. Она является двигателем любого бизнеса. Все компании – от корпораций-гигантов до небольших организаций – нуждаются в эффективной рекламной стратегии, поскольку только правильно выстроенное продвижение позволит в кратчайшие сроки добиться отличных результатов с минимальными затратами.

В настоящее время проблемам правового регулирования рекламы и рекламной деятельности уделяется пристальное внимание. Это связано, прежде всего, со значимостью рекламы как основного инструмента стимулирования спроса и предложения на определенные товары, работы и услуги. Все многообразие средств распространения рекламы закреплено в Федеральном законе от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О рекламе»[1] (далее – Закон о рекламе). В преамбуле данного нормативного правового акта указано, что его действие направлено на определение основ рекламной деятельности, однако он не содержит легального определения последней. Столь фрагментарный подход к правовому регулированию рекламной деятельности негативно отражается на его эффективности, о чем ярко свидетельствует российская практика правоприменения.

Следует обратить внимание на тот факт, что рекламная деятельность постоянно усложняется, становится многоструктурной

и многоуровневой. Это требует внесения определенных изменений в законодательство, которое не отвечает состоянию современного рынка рекламных услуг.

Согласно ст. 3 Закона о рекламе под рекламой следует понимать информацию, которая распространяется любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или же поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Вышеприведенная дефиниция является ограничительной, а также исключает возможность признания рекламной деятельности процессом влияния на экономическое поведение рекламопотребителей. Необходимо отметить, что термин «реклама» динамичен, что выступает отражением подвижности обозначаемого им понятия.

Так, А. А. Кислицын предлагает внести следующие изменения в ст. 3 Закона о рекламе: «Под рекламой следует понимать все, чем и посредством чего осуществляется рекламирование». Под рекламированием в данном случае понимается формирование у людей, в том числе потребителей, определенного мнения о чем-либо или о ком-либо в связи с осуществлением предпринимательской деятельности с целью содействия его продвижению на рынке[2].

Считаем, что данное определение должно носить оценочный характер в целях обеспечения надлежащего применения права даже в ситуациях, которые сегодня невозможно предусмотреть.

Рекламу довольно часто путают с офертой. Это объясняется тем, что в п. 1 ст. 437 ГК РФ указано, что реклама – это приглашение делать оферты. Отличается реклама от оферты тем, что она адресована неопределенному кругу лиц, а офертой признается предложение, направленное одному или нескольким конкретным лицам с указанием условий вступления в правоотношения. Целью рекламы является донесение до потенциальных потребителей сведений о товаре, работе или услуге.

Не стоит путать рекламу и с публичной офертой, хоть они могут совпадать при рекламировании автомобилей, мобильных телефонов, телевизоров, холодильников и прочих товаров. В публичной оферте указывается срок, на протяжении которого мы можем заключить договор на условиях, которые ею предусмотрены. По общему правилу этот срок равен двум месяцам[3].

Представляется необходимым в ст. 437 ГК РФ указать, что реклама – это основа для последующих коммерческих предложений.

Как справедливо отмечает А. А. Кислицын, определение рекламы как информации, адресованной неопределенному кругу лиц, является некорректным, так как получается, что сведения о товаре, направленные определенному кругу лиц, не могут являться рекламой[4].

Представим такую ситуацию. Некая фирма проводит выставку-продажу товаров, например ювелирных украшений. Она выпускает буклеты и раздает их конкретным приглашенным на данную выставку представителям элиты. Является ли раздача буклетов конкретным приглашенным лицам рекламой? В соответствии с приведенным в Законе о рекламе определением – нет, так как эта информация адресована определенному кругу лиц. В действительности же это не что иное, как реклама.

Также следует обратить внимание на то, что Закон о рекламе не содержит правового определения термина «продакплейсмент» (product placement). Продактплейсмент – это один из способов рекламирования товаров, работ и услуг, который распространен за рубежом. Как отмечает Л. Л. Ефремова, данный способ предполагает рекламирование объекта посредством включения сведений о нем в произведения литературы, кино, телепередачи. В российском законодательстве продактплейсмент полностью выведен из сферы действия Закона о рекламе[5].

В данном случае доказать, что размещенная информация о товаре носит рекламный характер крайне трудно. Но при этом все понимают, что ни один товар не появляется в эфире случайно, как правило, это оплачено его производителем. Поскольку эти деньги не проводятся официально, то они уходят не на развитие телеканала или зарплату сотрудников, а лично людям, которые принимают решение о размещении рекламной информации.

Таким образом, существует необходимость закрепить в российском законодательстве понятие «продактплейсмент» и ввести соответствующие процессы в сферу действия Закона о рекламе.

Кроме того, следует обратить внимание на проблемы применения ст. 9 Закона о рекламе (реклама о проведении стимулирующих мероприятий): «В рекламе, сообщающей о проведении конкурса, игры или иного подобного мероприятия, условием участия

в котором является приобретение определенного товара, должны быть указаны:

1) сроки проведения такого мероприятия;

2) источник информации об организаторе такого мероприятия, о правилах его проведения, количестве призов или выигрышей по результатам такого мероприятия, сроках, месте и порядке их получения».

П. В. Бурганов отмечает, что в отечественном законодательстве отсутствует определение термина «стимулирующее мероприятие», Закон о рекламе не содержит исчерпывающего перечня таких мероприятий, что вызывает определенные трудности в правоприменительной практике[6].

По мнению Д. А. Григорьева, данный термин является неудачным, так как размещение рекламы – это само по себе стимулирование[7].

Полагаем, что нецелесообразно положения о стимулирующих мероприятиях размещать вместе с общими требованиями, поскольку они представляют собой отдельную категорию.

Таким образом, для устранения трудностей в правоприменении законодательно должны быть закреплены понятие стимулирующих мероприятий и их исчерпывающий перечень.

В заключение можно сделать следующие выводы:

1) на законодательном уровне необходимо закрепить новое определение рекламы, которое носило бы оценочный характер;

2) реклама не является офертой и публичной офертой, поэтому целесообразно в ст. 437 ГК РФ указать, что реклама – это основа для последующих коммерческих предложений;

3) стоит отказаться от указания на то, что реклама – это сведения о товаре, работе или услуге, всегда адресованные неопределенному кругу лиц;

4) назрела необходимость закрепить на законодательном уровне определение термина «продактплейсмент» и охватить соответствующую деятельность Законом о рекламе;

5) дополнить ст. 3 Закона о рекламе определением термина «стимулирующие мероприятия» и привести в ст. 9 того же закона исчерпывающий перечень стимулирующих мероприятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.
[2] См.: Кислицын А. А. Необходимость внесения изменений в юридическое определение термина «реклама» в России. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3047 (дата обращения: 31.10.2018).
[3] См.: Шахаева А. М. Проблемы правового регулирования предпринимательской деятельности на рекламном рынке. URL: http://lawlibrary.ru/article2276453.html (дата обращения: 07.11.2018).
[4] См.: Кислицын А. А. Необходимость внесения изменений в юридическое определение термина «реклама» в России.
[5] См.: Ефимова Л. Л. Некоторые проблемы правового регулирования рекламной деятельности в Российской Федерации // Актуальные проблемы современного законодательства : материалы IV Всерос. межвуз. науч.-практ. конф. : в 2 т. / отв. ред. А. Г. Забелин. М., 2016. Т. 2. С. 264–271.
[6] См.: Бурганов П. В. Стимулирующие мероприятия: проблема практики применения статьи 9 Федерального закона «О рекламе» // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017) : сб. ст. всерос. ежегод. науч.-практ. конф. Киров, 2017. С. 5803–5810.
[7] См.: Григорьев Д. А. Стимулирующие мероприятия и их правовое регулирование в рекламе. URL: https://zakon.ru/blog/2016/4/13/stimuliruyuschie_meropriyatiya_i_ih_pravovoe_regulirovanie_v_reklame (дата обращения: 31.10.2018).

[1] Sm.: Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2006. № 12. St. 1232.
[2] Sm.: Kislicyn A. A. Neobhodimost' vneseniya izmenenij v yuridicheskoe opredelenie termina «reklama» v Rossii. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3047 (data obrashcheniya: 31.10.2018).
[3] Sm.: SHahaeva A. M. Problemy pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti na reklamnom rynke. URL: http://lawlibrary.ru/article2276453.html (data obrashcheniya: 07.11.2018).
[4] Sm.: Kislicyn A. A. Neobhodimost' vneseniya izmenenij v yuridicheskoe opredelenie termina «reklama» v Rossii.
[5] Sm.: Efimova L. L. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya reklamnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy sovremennogo zakonodatel'stva : materialy IV Vseros. mezhvuz. nauch.-prakt. konf. : v 2 t. / otv. red. A. G. Zabelin. M., 2016. T. 2. S. 264–271.
[6] Sm.: Burganov P. V. Stimuliruyushchie meropriyatiya: problema praktiki primeneniya stat'i 9 Federal'nogo zakona «O reklame» // Obshchestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2017) : sb. st. vseros. ezhegod. nauch.-prakt. konf. Kirov, 2017. S. 5803–5810.
[7] Sm.: Grigor'ev D. A. Stimuliruyushchie meropriyatiya i ih pravovoe regulirovanie v reklame. URL: https://zakon.ru/blog/2016/4/13/stimuliruyuschie_meropriyatiya_i_ih_pravovoe_regulirovanie_v_reklame (data obrashcheniya: 31.10.2018).

УДК 347.9

К вопросу о классификации электронных доказательств в гражданском судопроизводстве

Н. Е. ВОНТОВА – старший преподаватель кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета

В статье рассматривается проблема классификации электронных доказательств в гражданском судопроизводстве, предлагаются подходы их классификации, дается подробная характеристика отдельных видов электронных доказательств. Автор приходит к выводу, что электронные доказательства классифицируются как по традиционным доказательственным основаниям, так и по специальным, характерным только для них. В заключение делается вывод о необходимости выделения электронных доказательств в самостоятельный вид.

Ключевые слова: гражданский процесс; электронные доказательства; классификация доказательств; электронный документ.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

To the question of classification of electronic evidence in civil proceedings

N. E. VONTOVA – Senior Lecturer of the Law Department of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University

The article considers the problem of classification of electronic evidence in civil proceedings, offers approaches to the grounds for their classification, gives a detailed description of certain types of electronic evidence. The author comes to the conclusion that electronic evidence is classified both according to traditional evidentiary grounds and according to special, characteristic only for them. The author comes to the conclusion that it is necessary to separate electronic evidence in an independent form.

Key words: civil process; electronic evidence; classification of evidence; electronic document.

12.00.03 – Civil law; business law; family law; international private law

В правовой науке вопрос о классификации электронных доказательств недостаточно исследован. В первую очередь это объясняется тем, что тематика правового регулирования института электронных доказательств находится в стадии разработки вследствие относительной новизны последнего. При этом мировая практика имеет богатый опыт регламентации соответствующей сферы. В статье рассмотрены основные подходы к классификации электронных доказательств с учетом тенденций развития процессуального законодательства на основе анализа мирового опыта.

Классификация – это метод познания. Значимость вопросов ее исследования применительно к электронным доказательствам определяется невозможностью изучения разнообразия существующих видов доказательств, их систематизации, установления различий между их отдельными видами вне классификации. Теоретическая и практическая значимость классификации электронных доказательств заключается в

том, что она помогает их правильному и эффективному использованию, способствует их собиранию, проверке (исследованию с целью установления наличия или отсутствия признаков подделки) и оперированию ими в процессе доказывания в ходе судебного рассмотрения дел.

В настоящее время существует немало подходов к классификации электронных доказательств. Поскольку исследование данного вопроса в России базировалось на зарубежном опыте, рассмотрим некоторые предложенные иностранными учеными классификации.

Один из вариантов был разработан К. Ридом, который классифицировал электронные доказательства по такому критерию, как их сущность (содержание), и выделял следующие виды: исходные данные, базы данных, коды для расшифровки электронной информации, программное обеспечение коммерческого характера, компьютерные системы. М. Борелли подразделял электронные доказательства на созданные человеком и компьютерной программой. В основу им был положен критерий их происхождения: под созданными человеком понимались такие электронные доказательства, которые были обработаны и сохранены компьютерной программой в соответствии с программным обеспечением (бухгалтерские отчеты, акт выполненных работ, отчеты о продажах, счет-фактура, операции по счетам и др.), созданными же компьютерной программой считались доказательства, являющиеся результатом компьютерной обработки предоставленных данных (например, схема движения участников автотранспортного происшествия, расчет ущерба, причиненного пожаром, и др.)[1]. Интерес к данной классификации обусловлен тем, что она позволяет более детально исследовать используемые электронные доказательства, ведь достаточно часто они являются смешанными, одновременно содержат элементы, созданные и человеком, и компьютером в соответствии с заложенной в него программой. Использование рассматриваемых доказательств в процессе обязывает представляющую их сторону к доказыванию правильности исходных данных и функционирования программы по обработке последних.

Следующим критерием классификации электронных доказательств является режим их доступности, в соответствии с которым можно выделить такие виды, как доказательственная информация, размещенная в социальных сетях и на открытых ресурсах (включает в себя сообщения, изображения, аудио- и видеозаписи и т. д.), доказательственная информация с ограниченным доступом (электронная переписка и электронные документы), предполагаемые идентификационные данные пользователя и данные о трафике. Интерес к данной классификации обусловлен тем, что она позволяет отграничить доказательства открытого доступа (общедоступные) от тех, доступ к которым закрыт или носит ограниченный характер. Общедоступными, на наш взгляд, являются доказательства, размещенные на таких интернет-ресурсах, доступ к которым носит неограниченный характер (включая социальные сети, открытые государственные базы данных, сетевые блоги, электронные средства массовой информации и т. д.). Данные доказательства уже активно используются в судебной практике[2].

По доказательственной силе электронные доказательства можно подразделить на обладающие самостоятельной доказательственной силой и не имеющие самостоятельного доказательственного значения. Последние призваны подтверждать доказательственные свойства других доказательств, в первую очередь электронных. К ним относятся лог-файлы сервера и метаданные. Лог-файлы (дневники сервера) содержат в себе информацию о лицах, которые совершают действия с файлами на сервере, и самих действиях. Определяющим признаком такой информации является ее систематическое обновление. Хранение файлов осуществляется провайдерами, которые по запросу суда обязаны предоставлять сведения для установления фактических обстоятельств рассматриваемого дела. Полученная от них информация позволяет установить в судебном порядке факты создания, изменения и уничтожения электронной информации, размещения ее в электронных сетях, выполнения действий с электронными файлами конкретными лицами. Исследование таких доказательств позволяет суду устанавливать в отношении используемых в деле электронных доказательств их основные свойства – относимость и допустимость. Метаданные представляют собой сведения, которые позволяют определить характеристики пространственных данных и объектов, в частности их содержание, отличительные признаки, связь с другими объектами и данными. Иначе говоря, это информация об информации. Особенность их использования в процессе определяется тем, что они не носят для суда заранее

установленной силы, так как, несмотря на электронный характер, могут быть изменены извне. Достоверность метаданных устанавливается судом в совокупности с оценкой всех иных доказательств по делу.

В. Б. Вехова полагает, что электронные доказательства можно подразделить по способу фиксации информации на письменные (фиксация в текстовых документах), графические (фиксация в схемах, графиках и т. д.), видео- и фотодокументы (фиксация в фотографиях и видеозаписях), фонографические (фиксация на аудионосителях), комбинированные (фиксация с одновременным использованием нескольких обозначенных ранее способов). Безусловно, эта классификация значима для определения вида судебной экспертизы, которая может быть проведена с тем или иным документом. Также, по мнению В. Б. Вехова, в основу классификации электронных доказательств может быть положен такой критерий, как наименование электронного документа, в результате чего будут выделяться приказы, ходатайства и распоряжения, служебные записки, расписки, протоколы, справки, договоры и т. д.[3]

Ю. В. Шелегов и В. Г. Шелегов классифицируют электронные доказательства по критерию их оригинальности и разделяют оригинал и копию[4]. Значимость данной классификации определяется тем, что копирование документа может привести к изменению его содержания посредством переформатирования или внесения корректировок, что предопределит невозможность использования представленной копии на основании недопустимости данного доказательства.

По мнению Д. А. Крайнева, электронные доказательства по юридической силе подразделяются на достоверные (подлинные) и подложные. Подлинными признаются только те доказательства, которые получены с соблюдением всех законодательно установленных требований и соответствуют действительным обстоятельствам дела. Подложными являются доказательства, которые не отвечают требованиям, предъявляемым к оценке доказательств и не соответствуют действительной ситуации[5]. Значимость данной классификации связана с вопросами определения достоверности представленных в суд электронных доказательств.

В зависимости от вида материального носителя П. С. Пастухов выделяет такой вид электронных доказательств, как электронные документы на физических носителях компьютерной информации. К ним относятся информация, зафиксированная на устройствах внешней памяти (флэш-картах, дисках, электронных картах, магнитных картах и т. д.), электронные документы оперативных запоминающих устройств в периферийных устройствах (лазерный принтер), электронные документы оперативных запоминающих устройств ЭВМ, электронные документы оперативных запоминающих устройств компьютерных устройств связи и сетевых устройств[6].

В зависимости от формы выражения М. С. Петелин классифицирует электронные доказательства следующим образом: рукописные и изготовленные с помощью технических средств. Допустимость рукописных доказательств как электронных определяется либо их сканированием с использованием сенсорной панели, либо преобразованием в электронный документ способом, установленным законом[7].

В основу классификации электронных доказательств В. В. Азаров закладывает такой критерий, как способ ввода информации на носитель, и выделяет следующие виды: факсимильные, мануальные, полученные путем использования устройств, преобразующих голос, полученные путем использования устройств, преобразующих изображения и окружающую среду[8].

По результатам анализа использования электронных доказательств в практической деятельности хочется отметить, что суды признают таковыми следующие: переписку по электронной почте, скриншоты со страниц интернет-ресурсов, данные видеорегистратора, СМС-сообщения, доказательства, полученные путем применения программ Skype и WhatsApp.

Электронная переписка выступает в качестве электронного доказательства только в определенных случаях. Часть 3 ст. 75 АПК РФ устанавливает возможность использования в качестве письменных доказательств документов, полученных путем факсимильной, электронной или иной связи (в том числе с использованием сети Интернет), в случаях и порядке, предусмотренных законом или договором. Для того чтобы электронная переписка соответствовала критериям оценки письменных доказательств (в первую очередь допустимости и достоверности) и могла применяться для установления обстоятельств дела, она должна быть выполнена способом, позволяющим установить достоверность документа, и получена в установленном законом порядке.

В настоящее время отсутствует правовое закрепление порядка получения доказательства в виде электронной переписки, в связи с чем возникают практические трудности с ее использованием в суде. Полагаем необходимым урегулировать данный пробел в законодательстве.

Скриншоты страниц наравне с электронной перепиской признаются электронными доказательствами. Однако в действующем законодательстве не закреплены ни определение скриншота, ни порядок его использования в качестве электронного доказательства. Статья 75 АПК РФ и ст. 71 ГПК РФ допускают такое использование скриншотов, но вопросы непосредственного применения оставляют на усмотрение суда. Судебная практика показывает, что суды признают скриншоты допустимыми только тогда, когда они содержат в себе конкретную информацию (о дате получения, принадлежности стороне процесса, наименовании сайта, с которого они были получены).

В процессуальном законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие вопросы использования данных видеорегистратора в качестве электронных доказательств. Однако судебная практика свидетельствует о возможности их применения, в частности, при рассмотрении споров, касающихся нарушения правил дорожного движения. Статья 26.2 КоАП РФ понимает под доказательствами любые фактические данные, на основании которых суд устанавливает обстоятельства дела, что обусловливает использование данных с видеорегистратора в качестве таковых. Статья 28.6 КоАП РФ устанавливает, что в случае выявления административного правонарушения, предусмотренного гл. 12 КоАП РФ и зафиксированного с применением специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи и работающих в автоматическом режиме, протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении. Данные видеорегистратора используются и в гражданском судопроизводстве, например при решении вопроса о компенсации ущерба, причиненного ДТП. Допустимость таких доказательств определяется следующими правилами: в протоколе ДТП должно быть указание на наличие видеорегистратора и желание его использовать в качестве доказательства по делу, основные данные о регистраторе должны быть запротоколированы (место установки, направление камер, серийный номер и т. п.), в наличии должна иметься резервная копия.

Судебная практика по вопросам применения СМС-переписки противоречива. Чаще всего она используется в качестве доказательства при разрешении судами гражданских и трудовых споров. Вопрос о достоверности представляемой переписки акцентирует внимание на порядке ее оформления, который предполагает возможность нотариальной и самостоятельной фиксации. Помимо надлежащего оформления необходимо подтверждение факта телефонных соединений и выхода в сеть Интернет, полученное от оператора связи. Кроме того, при оценке переписки в качестве доказательства суд должен учитывать требование полноты, предъявляемое к ее содержанию. Поэтому при использовании переписки необходимо по возможности восполнить пробелы в ее содержании дополнительными доказательствами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопрос классификации электронных доказательств является актуальным и требует дальнейшего рассмотрения. Очевидно, что электронные доказательства могут быть классифицированы по целому ряду оснований, являются самостоятельным видом доказательств и должны получить закрепление в нормах процессуального законодательства.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См.: Иванов Н. А. Криминалистические классификации цифровой информации // Вестн. Омск. юрид. акад. 2013. № 1 (20). С. 82.

[2] См.: Шелегов Ю. В., Шелегов В. Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 63.

[3] См.: Вехов В. Б. Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1 (11). С. 156.

[4] См.: Шелегов Ю. В., Шелегов В. Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств. С. 67.

[5] См.: Крайнев Д. А. Основные доказательства по делу оказались в электронном виде. Как готовится к процессу? // Арбитраж. практика для юристов. 2016. № 9. С. 52.

[6] См.: Пастухов П. С. «Электронные доказательства» в состязательной системе уголовно-процессуальных доказательств // О-во и право. 2015. № 1 (51). С. 192–196.

[7] См.: Петелин М. С. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском процессе // Интернаука. 2017. № 10-3 (14). С. 44–46.

[8] См.: Азаров В. В. Соотношение электронных документов и письменных доказательств в гражданском судопроизводстве // Арбитраж. и гражд. процесс. 2014. № 6. С. 52.

[1] Sm.: Ivanov N. A. Kriminalisticheskie klassifikacii cifrovoj informacii // Vestn. Omsk. yurid. akad. 2013. № 1 (20). S. 82.
[2] Sm.: SHelegov YU. V., SHelegov V. G. K voprosu o klassifikacii elektronnyh (cifrovyh) dokazatel'stv // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2019. № 2 (10). S. 63.
[3] Sm.: Vekhov V. B. Ponyatie, vidy i osobennosti fiksacii elektronnyh dokazatel'stv // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. 2016. № 1 (11). S. 156.
[4] Sm.: SHelegov YU. V., SHelegov V. G. K voprosu o klassifikacii elektronnyh (cifrovyh) dokazatel'stv. S. 67.
[5] Sm.: Krajnev D. A. Osnovnye dokazatel'stva po delu okazalis' v elektronnom vide. Kak gotovitsya k processu? // Arbitrazh. praktika dlya yuristov. 2016. № 9. S. 52.
[6] Sm.: Pastuhov P. S. «Elektronnye dokazatel'stva» v sostyazatel'noj sisteme ugolovno-processual'nyh dokazatel'stv // O-vo i pravo. 2015. № 1 (51). S. 192–196.
[7] Sm.: Petelin M. S. Problemy primeneniya elektronnyh dokazatel'stv v grazhdanskom processe // Internauka. 2017. № 10-3 (14). S. 44–46.
[8] Sm.: Azarov V. V. Sootnoshenie elektronnyh dokumentov i pis'mennyh dokazatel'stv v grazhdanskom sudoproizvodstve // Arbitrazh. i grazhd. process. 2014. № 6. S. 52.

УДК 347.78

Правовые вопросы наследования неисключительных авторских прав

Д. В. УГЛИЦКИХ – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук

В статье рассматривается специфика наследования неисключительных прав, возникающих в отношении различных результатов интеллектуальной деятельности, объектов авторского права и смежных прав, которым предоставляется охрана. В связи с уникальной природой интеллектуальных прав на результаты творческой деятельности и приравненные к ним объекты имеются некоторые особенности перехода их в порядке наследования, а также оформления прав наследников.

Ключевые слова: наследование; авторское право; смежные права; право следования; правовое регулирование.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Legal issues of inheritance of non-exclusive copyrights

D. V. UGLITSKIKH – Associate Professor of the Law Department of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD. in Law

The article discusses the specifics of inheritance of non-exclusive rights arising in relation to the various results of intellectual activity of copyright and related rights that are granted legal protection. Due to the unique nature of intellectual rights to the results of creative activity and objects equated to them there are some features of their transition in the order of inheritance as well as registration of the rights of heirs.

Key words: inheritance; copyright; related rights; right of succession; legal regulation.

12.00.03 – Civil law; business law; family law; international private law

В настоящее время в современном гражданском праве существует четкое разделение интеллектуальных прав, в том числе авторских, на исключительное право и в случаях, предусмотренных ГК РФ, личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие (ст. 1226 ГК РФ)).

В результате подобного деления в состав неисключительных прав входят неоднородные по своей природе правомочия, и понятие неисключительных прав в данной ситуации видится нам достаточно условным.

Положения гл. 70 ГК РФ содержат перечень личных неимущественных и иных неисключительных прав: право авторства, право автора на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения (ч. 2 ст. 1255 ГК РФ).

Однако перечень неисключительных прав оставлен законодателем открытым, что позволяет судить о возможности формирования правомочий исходя из общих принципов гражданского законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

В связи с отсутствием законодательного закрепления определения неисключительных прав отнесение тех или иных правомочий к данной категории осуществляется цивилистами на основе общих характерных черт:

1) правомочие в силу своей правовой природы не может быть отнесено к исключительному праву, то есть имеет негативное (пассивное) содержание;

2) для признания права необходимо наступление юридического факта, определенного в ГК РФ.

По общему правилу, в состав наследства включаются имущество, имущественные права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства. В отношении перехода в порядке наследования личных неимущественных прав и других нематериальных благ законодателем установлен императивный запрет (ст. 1112 ГК РФ).

Следовательно, возможность перехода авторских прав в порядке наследования определяется исходя из правовой природы таких прав.

Поскольку исключительное право на произведение в соответствии со ст. 1226 ГК РФ определено законодателем как имущественное, то оно подлежит наследованию в полном объеме.

В отношении личных неимущественных прав законодателем установлен императивный запрет на возможность их наследования[1]. С одной стороны, это оправдано правовой природой неисключительных прав, исходя из которой такие личные неимущественные права, как право авторства или право автора на имя, не могут принадлежать никому, кроме автора[2], что закреплено в п. 2 ст. 1228 и п. 1 ст. 1265 ГК РФ. Однако отдельные правомочия по защите авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после смерти автора могут осуществляться его правопреемниками и иными заинтересованными лицами, в том числе наследниками (ч. 2 ст. 1267 ГК РФ). Кроме того, действующее законодательство не содержит прямого запрета на переход права на обнародование произведения, а также его отзыв.

Следует отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 1266 и ч. 3 ст. 1268 ГК РФ после смерти автора лицо, обладающее исключительным правом на произведение (в том числе наследник), имеет ограниченное право на внесение изменений в произведение, а также обнародование произведения.

По нашему мнению, подобная законодательная формулировка позволяет сделать вывод о возможности перехода в порядке наследования отдельных неисключительных авторских прав.

На возможность перехода в порядке наследования права на неприкосновенность произведения и его опубликование указывал еще советский ученый-цивилист О. С. Иоффе[3].

Несмотря на тот факт, что действующим законодательством не предусмотрено право на опубликование, современное интеллектуальное право содержит близкое по правовой природе правомочие на обнародование, что подтверждается позицией профессора Б. Б. Черепахина: «Принадлежавшее автору право на неприкосновенность созданного им произведения после его смерти переходит к наследникам в составе правомочий перешедшего к ним авторского права на срок, на который к ним переходит авторское право в целом. Трудно понять, почему это не означает перехода права на неприкосновенность произведения именно в порядке наследственного преемства по закону или по завещанию»[4].

Однако в правовой доктрине также существует мнение о невозможности перехода указанных правомочий в порядке наследования в силу их определения не как возможности наследника влиять на произведение, а как закрепленного законодателем способа охраны культурных ценностей[5].

Учитывая факт наличия в цивилистической доктрине споров относительно правовой природы права на неприкосновенность произведения и его обнародование, а также принимая во внимание несогласованность норм частей третьей и четвертой ГК РФ, мы полагаем, что законодателю следует в соответствии с предложениями отечественных цивилистов[6] изменить формулировку абз. 3 ст. 1112 ГК РФ, дополнив текст фразой «если иное не установлено законом». Это позволит снять существующие противоречия между нормами наследственного и интеллектуального права.

Отдельное внимание, по нашему мнению, следует уделить правовой неопределенности, касающейся такого авторского права, как право следования. Указанное правомочие возникает по отношению к произведениям изобразительного искусства, авторским рукописям (автографам) литературных и музыкальных произведений[7].

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 1293 ГК РФ суть права следования состоит в том, что автор имеет право на получение от продавца вознаграждения в виде процентных отчислений от цены перепродажи оригинала произведения.

Исходя из легального определения, право следования необходимо было бы рассматривать как имущественное право, в то время как законодатель относит его к категории иных прав в составе авторских. Как следует из общих положений наследственного права, имущественные права могут быть переданы по наследству только в случае отсутствия тесной связи таких прав с личностью наследодателя.

В соответствии с п. 3 ст. 1293 ГК РФ право следования неотчуждаемо, что позволяет говорить о его тесной связи с личностью автора. В то же время законодатель закрепил возможность перехода по наследству права следования в пределах срока действия исключительного права на произведение. Таким образом, возникает правовая коллизия, заключающаяся в противоречии положений п. 3 ст. 1293 ГК РФ и абз. 2 ст. 1112 ГК РФ, поскольку в нормах наследственного права отсутствует указание на возможность существования исключений, предусмотренных иными нормами федерального законодательства.

Кроме того, следует отметить, что на практике при открытии наследства вопрос установления авторства наследодателя на то или иное произведения в ряде случаев вызывает затруднения у потенциальных наследников, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 2 Бернской конвенции от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) «Об охране литературных и художественных произведений»[8] и ч. 4 ст. 1259 ГК РФ факт возникновения авторского права не ставится в зависимость от совершения автором формальных конклюдентных действий, таких как регистрация (депонирование) или обнародование произведения.

Цивилисты-теоретики выделяют три способа установления наличия права наследника на произведение:

1) нахождение оригинала или экземпляра произведения с указанием лица в качестве автора;

2) запрос в Российское авторское общество с целью установления факта депонирования произведения наследодателем;

3) наличие документов, подтверждающих факт создания наследодателем того или иного произведения, в частности договора авторского заказа[9].

Исходя из сказанного выше можно заключить, что действующее законодательство содержит ряд несогласованных норм, определяющих порядок наследования неисключительных авторских прав на произведение, выраженных в возможности перехода по наследству отдельных правомочий, ограниченных волей автора, закрепленной в установленной законом форме. Отчасти подобные противоречия возникли вследствие легального закрепления разделения авторских прав на имущественные, личные неимущественные и иные, а также ввиду тесной взаимосвязи имущественных и личных неимущественных прав, не позволяющей однозначно определить правовую природу того или иного правомочия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Дидык Ю. Д. Злоупотребление императивными нормами гражданского права // Юрист. 2016. № 22. С. 4.
[2] См.: Рязанова В. В. Некоторые вопросы наследования неисключительных авторских прав // Наследств. право. 2017. № 4. С. 29.
[3] См.: Иоффе О. С. Основы авторского права. Авторское, изобретательское право, право на открытие : учеб. пособие. М., 1969. С. 39.
[4] Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М., 2001. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[5] См., например: Гордон М. В. Советское авторское право. М., 1955. С. 124; Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. М., 1956. С. 226–229.
[6] См.: Рязанова В. В. Некоторые вопросы наследования неисключительных авторских прав. С. 31; Гаврилов Э. О наследовании интеллектуальных прав // Хозяйство и право. 2011. № 10. С. 5; Кузнецова О. А. Отказ от наследства: вопросы теории и правоприменительной практики // Юрист. 2016. № 2. С. 25.
[7] См.: Рязанова В. В. Некоторые вопросы наследования неисключительных авторских прав. С. 32.
[8] Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.
[9] См., например: Рождественская К. Ю. Правовой статус наследников авторских прав. URL: http://old.notariat.ru/press_3962_23.aspx.htm (дата обращения: 10.10.2019).

[1] Sm.: Didyk YU. D. Zloupotreblenie imperativnymi normami grazhdanskogo prava // YUrist. 2016. № 22. S. 4.
[2] Sm.: Ryazanova V. V. Nekotorye voprosy nasledovaniya neisklyuchitel'nyh avtorskih prav // Nasledstv. pravo. 2017. № 4. S. 29.
[3] Sm.: Ioffe O. S. Osnovy avtorskogo prava. Avtorskoe, izobretatel'skoe pravo, pravo na otkrytie : ucheb. posobie. M., 1969. S. 39.
[4] CHerepahin B. B. Trudy po grazhdanskomu pravu. M., 2001. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
[5] Sm., naprimer: Gordon M. V. Sovetskoe avtorskoe pravo. M., 1955. S. 124; Serebrovskij V. I. Voprosy sovetskogo avtorskogo prava. M., 1956. S. 226–229.

[6] Sm.: Ryazanova V. V. Nekotorye voprosy nasledovaniya neisklyuchitel'nyh avtorskih prav. S. 31; Gavrilov E. O nasledovanii intellektual'nyh prav // Hozyajstvo i pravo. 2011. № 10. S. 5; Kuznecova O. A. Otkaz ot nasledstva: voprosy teorii i pravoprimenitel'noj praktiki // YUrist. 2016. № 2. S. 25.
[7] Sm.: Ryazanova V. V. Nekotorye voprosy nasledovaniya neisklyuchitel'nyh avtorskih prav. S. 32.
[8] Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2003. № 9.
[9] Sm., naprimer: Rozhdestvenskaya K. YU. Pravovoj status naslednikov avtorskih prav. URL: http://old.notariat.ru/press_3962_23.aspx.htm (data obrashcheniya: 10.10.2019).

УДК 343.6

Юридическая ответственность медицинских работников в случае смерти пациента

А. Л. КУБАСОВ – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Д. В. ПОПОВА – студент 3 курса Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета

В статье рассматривается ответственность врачей за нарушения требований при оказании медицинской помощи, лечебные действия, повлекшие причинение тяжкого вреда пациенту, анализируются материалы дискуссии о праве на врачебную ошибку, вносятся предложения по совершенствованию правового регулирования ответственности за нарушения при оказании медицинской помощи.

Ключевые слова: охрана здоровья граждан; права пациента; врачебная ошибка; юридическая ответственность медицинских работников.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Legal liability of medical personnel in case of a patient death

A. L. KUBASOV – Associate Professor of the Law Department of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD. in Law

D. V. POPOVA – 3rd year student of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University

The article discusses the responsibility of doctors for violations of the requirements for the medical care, medical actions that caused serious harm to the patient, analyzes the discussion materials on the right to medical error, makes suggestions on improving the legal regulation of liability for violations of medical care.

Key words: public health protection; patient rights; medical error; legal liability of medical personnel.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

На протяжении последних лет в средствах массовой информации развернулась дискуссия об ответственности медицинских работников за некачественное лечение пациентов, в том числе повлекшее тяжкие последствия.

Началом обсуждения послужило выступление председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина на совещании по вопросам расследования ятрогенных преступлений, состоявшемся 4 октября 2017 г., в ходе которого он заявил, что повышенное внимание к данной категории дел связано с тем, что число преступлений, обусловленных небрежным исполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей, продолжает расти. Имеют место неверная диагностика, ошибочные методы лечения или несвоевременное оказание пациентам медицинской помощи. При этом большинство обращений граждан затра-

гивают такие направления медицины, как акушерство и гинекология, хирургия, анестезиология и реаниматология, педиатрия, травматология, кардиология. По словам А. И. Бастрыкина, «следственные органы обязаны немедленно реагировать на сигналы о врачебной халатности, качественно и в короткие сроки расследовать такие уголовные дела, а также в полном объеме информировать органы здравоохранения и общественность о причинах и условиях совершения ятрогенных преступлений в целях их исключения в медицинской практике»[1].

В ответ последовала реакция врачебного сообщества. В частности, известный российский врач и общественный деятель президент НИИ неотложной детской хирургии и травматологии Л. М. Рошаль обратил внимание на то, что в данной ситуации возникает важная проблема – допустимость риска врача. Ведь врач, сталкиваясь с различными ситуациями в лечении пациентов, все равно так или иначе рискует и берет всю ответственность на себя. По мнению Л. М. Рошаля, «диагноз ставит врач. У медицинского диагноза и прогноза не бывает ста процентов точности. Ни один врач в мире не заинтересован в осложнениях или гибели своего пациента. Винить врача за ошибку в решении, принимаемом такой ценой, – значит, совсем убить профессию. Сделать бессмысленным весь этот опыт»[2].

В результате возникает опасность, что если врачей будут привлекать к уголовной ответственности за ошибки, то они будут опасаться брать удар на себя и принимать какие-либо меры, станут перекладывать рискованные решения на других. Прежде чем решать вопрос о привлечении медицинских работников к уголовной ответственности, необходимо дать юридическое определение врачебной ошибки: «что это, каково содержание этого понятия, пределы, когда наступает ошибка»[3].

Л. М. Рошаль также высказал мнение, что число жалоб на врачей увеличивается из-за повышения уровня требований к качеству медицинской помощи со стороны населения не только в нашей стране, но и во многих других странах мира. Люди не хотят осуждения врачей, а хотят получать денежную компенсацию за причиненный вред их здоровью[4].

В свою очередь Следственный комитет Российской Федерации опубликовал данные статистики, согласно которой в 2017 г. было возбуждено 1791 уголовное дело упомянутой категории, в суд направлено 175, в 2018 г. – 2229 и 265, в первом полугодии 2019 г. – 1227 и 158 соответственно. В 2018 г. признаны потерпевшими вследствие врачебной ошибки 410 чел., 280 из них погибли, в том числе 79 несовершеннолетних. За шесть месяцев 2019 г. потерпевшими вследствие врачебных ошибок признаны 224 чел., 159 погибли[5].

Л. М. Рошаля и его сторонников поддержали правозащитные организации. В частности, в октябре 2019 г. Совет при Президенте Российской Федерации по правам человека попросил генерального прокурора России Ю. Я. Чайку проверить четыре спорных уголовных дела о врачебных ошибках, изучить обоснованность привлечения медицинских работников к уголовной ответственности и в делах, где приговоры еще не вынесены, учесть позицию коллективов и ассоциаций врачей. В заявлении данного совета говорится: «Имеющаяся в открытом доступе информация об обстоятельствах привлечения указанных лиц к ответственности вызывает обеспокоенность Совета. Врачебное сообщество в целом расценивает все перечисленные случаи как врачебные ошибки и настаивает на невиновности коллег»[6].

Следует также отметить, что при рассмотрении подобного рода дел на судей оказывается сильное общественное давление. Создаются инициативные группы, основу которых составляют родственники и друзья пострадавших, которые требуют наказать врачей самым суровым образом. В то же время представители медицинских учреждений говорят о праве на врачебную ошибку и настаивают на том, чтобы не привлекать подследственных к ответственности.

В большинстве случаев преступления медицинских работников квалифицируются по ч. 2 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей». Следственный комитет Российской Федерации с учетом общественного мнения предложил разработать проект изменений в УК РФ в части введения специальной нормы, предусматривающей ответственность за совершение преступлений, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи[7].

В наши дни медицина играет огромную роль в жизни человека. Часть 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации гарантирует право каждого гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь.

В соответствии с п. 2 ст. 5 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[8] государство обеспечивает охрану здоровья независимо от пола, расы, возраста, национальности, языка, наличия заболеваний, состояний, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и от других обстоятельств.

Здравоохранение постоянно развивается, но остается много нерешенных проблем, требующих особого внимания. Это же касается и правовой ответственности врачей в случае смерти больных, находящихся на лечении, и пациентов, которым в экстренной ситуации понадобилась неотложная помощь, операция и т. д. В сложившейся ситуации важную роль играет соблюдение медицинскими работниками регламентов, правил оказания медицинской помощи, которые нередко игнорируются врачами.

Приоритетными интересами пациентов при оказании медицинской помощи в соответствии с указанным законом являются соблюдение этических норм; уважительное и гуманное отношение к больным со стороны медицинских работников; оказание медицинской помощи пациенту с учетом его физического состояния и с соблюдением по возможности культурных и религиозных традиций; обеспечение ухода при оказании медицинской помощи; установление требований к проектированию и размещению медицинских организаций с учетом соблюдения санитарно-гигиенических норм и обеспечение комфортных условий пребывания пациентов в медицинских организациях; создание условий, обеспечивающих возможность посещения пациента и пребывания родственников с ним в медицинской организации с учетом его состояния.

Имеет ли право медицинский работник на врачебную ошибку? Да. Но где грань между врачебной ошибкой и халатностью? Кто должен определять и разграничивать эти понятия?

В связи с этим возрастает роль судебно-медицинской экспертизы, призванной выяснить, виновен ли врач, допустил ли он халатность или ошибку при выполнении своих обязанностей, выполнил ли все, что от него требовалось в конкретной ситуации.

Указанная проблема активно обсуждается в современной научной литературе. При этом высказываются различные точки зрения. В частности, Г. Ф. Федосеев считает, что врачебные ошибки совершаются из-за постоянной смены кадров, нехватки персонала, недостаточного оснащения в больницах. При этом он выделяет три вида действий врача, наносящего вред здоровью пациента: врачебная ошибка, преступление, совершенное умышленно, и несчастный случай при оказании медицинской помощи пациенту[9].

А. К. Конаныхина, Г. А. Комаров, А. В. Кочубей отмечают, что многие пациенты лояльно относятся к данной проблеме, люди не хотят осуждать врачей и привлекать их к ответственности, так как сотрудники медицинских учреждений получают недостаточную заработную плату, часто работают в условиях, не надлежащих для лечения больных. А сами врачи относятся к себе более строго, чем пациенты, и это, по мнению авторов, свидетельствует о высокой профессиональной ответственности современных врачей[10].

Рядом исследователей высказывается точка зрения, что врачебная ошибка является частью профессиональной медицинской деятельности, оценку которой могут дать только профессионалы на основе принципов доказательной медицины, то есть врачи.

Ю. И. Пиголкин считает, что, безусловно, врачебная ошибка имеет право быть в определенных ситуациях, но при ее оценке следует учитывать причинно-следственную связь между действиями медицинского работника и негативными последствиями для здоровья пациента. Определение состояния больного до и после медицинского вмешательства позволяет разрешить вопрос об ответственности врача[11].

Среди большинства ученых бытует мнение о том, что врачебная ошибка – это неумышленное причинение вреда здоровью пациента во время проведения диагностических, терапевтических, хирургических и профилактических мероприятий. В действиях медицинского работника отсутствует умысел, но можно усмотреть элементы неосторожной формы вины (небрежность, невнимательность), что не позволяет с точки зрения уголовно-правовой нормы признать врачебную ошибку несчастным случаем.

Следует согласиться с мнением И. В. Чурляева, что совершение ошибки вследствие нарушения врачом своих профессиональных обязанностей, стандартов медицинской помощи, повлекшее по неосторожности причинение потерпевшему (потерпевшим) тяжкого вреда здоровью или смерти, влечет

наступление уголовной ответственности. В том случае если медицинский работник соблюдал стандарт оказания медицинской помощи, а негативные последствия у пациента все же наступили, то привлекать его к ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи нецелесообразно[12].

Необходимо предложение Следственного комитета Российской Федерации о внесении в УК РФ ст. 124.1 «Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)» дополнить словами «если это повлекло за собой смерть человека и/или причинение тяжкого вреда здоровью человека».

Учитывая огромную роль, которую по делам о противоправных действиях врачей, повлекших смерть пациента, играет судебно-медицинская экспертиза, необходимо конкретизировать требования к профессиональным качествам экспертов, к назначению и выполнению экспертизы, установить предельные сроки ее производства и ответственность за их соблюдение.

Признавая право врача на ошибку, необходимо поддержать точку зрения о перенесении разбирательства по подобным случаям, за исключением смерти пациента или причинения ему тяжкого вреда, в плоскость правового регулирования гражданско-правовых отношений. Требуется развивать систему страхования медицинских рисков. Компенсация материального ущерба и морального вреда при этом должна выплачиваться за счет страховых компаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] URL: https://goldenmost.ru/yatrogennyie-prestupleniya-ili-delo-vrachey-sk-rossii-budet-aktivnee-rassledovat-vrachebnyie-oshibki/ (дата обращения: 20.01.2020).
[2] URL: http://tanar.ru/text-specs/texts_199.html (дата обращения: 20.01.2020).
[3] URL: https://www.interfax.ru/amp/679390 (дата обращения: 20.01.2020).
[4] См.: Тутина Ю. Споры в законе // Аргументы и Факты. 2017. 5 июня.
[5] См.: URL: https://www.interfax.ru/amp/679390 (дата обращения: 20.01.2020).
[6] URL: См.; https://www.interfax.ru/russia/679176 (дата обращения: 20.01.2020).
[7] См.: URL: https://goldenmost.ru/yatrogennyie-prestupleniya-ili-delo-vrachey-sk-rossii-budet-aktivnee-rassledovat-vrachebnyie-oshibki/ (дата обращения: 20.01.2020).
[8] См.: Рос. газ. 2019. № 117. 31 мая.
[9] См.: Федосеев Г. Б. Врачебные ошибки: характер, причины, последствия, пути предупреждения // Терапия. 2018. № 5 (23). С. 109–110.
[10] См.: Конаныхина А. К., Комаров Г. А., Кочубей А. В. Право на ошибку: врачебные ошибки глазами врачей и пациентов // Клиническая практика. 2018. Т. 9. № 3. С. 72.
[11] См.: Пиголкин Ю. И., Морозов Ю. Е., Глоба И. В. Компетенции врача и юриста при установлении врачебной ошибки // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 2. С. 58–59.
[12] См.: Чурляев И. В. О криминализации врачебной ошибки в уголовном законодательстве Российской Федерации // Юрист-Правовед. 2018. № 4 (87). С. 150.

[1] URL: https://goldenmost.ru/yatrogennyie-prestupleniya-ili-delo-vrachey-sk-rossii-budet-aktivnee-rassledovat-vrachebnyie-oshibki/ (data obrashcheniya: 20.01.2020).
[2] URL: http://tanar.ru/text-specs/texts_199.html (data obrashcheniya: 20.01.2020).
[3] URL: https://www.interfax.ru/amp/679390 (data obrashcheniya: 20.01.2020).
[4] Sm.: Tutina YU. Spory v zakone // Argumenty i Fakty. 2017. 5 iyunya.
[5] Sm.: URL: https://www.interfax.ru/amp/679390 (data obrashcheniya: 20.01.2020).
[6] URL: Sm.; https://www.interfax.ru/russia/679176 (data obrashcheniya: 20.01.2020).
[7] Sm.: URL: https://goldenmost.ru/yatrogennyie-prestupleniya-ili-delo-vrachey-sk-rossii-budet-aktivnee-rassledovat-vrachebnyie-oshibki/ (data obrashcheniya: 20.01.2020).
[8] Sm.: Ros. gaz. 2019. № 117. 31 maya.
[9] Sm.: Fedoseev G. B. Vrachebnye oshibki: harakter, prichiny, posledstviya, puti preduprezhdeniya // Terapiya. 2018. № 5 (23). S. 109–110.
[10] Sm.: Konanyhina A. K., Komarov G. A., Kochubej A. V. Pravo na oshibku: vrachebnye oshibki glazami vrachej i pacientov // Klinicheskaya praktika. 2018. T. 9. № 3. S. 72.
[11] Sm.: Pigolkin YU. I., Morozov YU. E., Globa I. V. Kompetencii vracha i yurista pri ustanovlenii vrachebnoj oshibki // Aktual'nye problemy mediciny i biologii. 2018. № 2. S. 58–59.
[12] Sm.: CHurlyaev I. V. O kriminalizacii vrachebnoj oshibki v ugolovnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // YUrist-Pravoved. 2018. № 4 (87). S. 150.

УДК 343.35

Уголовно-правовые средства противодействия коррупции

М. И. НИКОЛАЕВА – доцент кафедры управления и информационных технологий факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук;

И. И. САВЕЛЬЕВ – доцент кафедры управления и информационных технологий факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат экономических наук;

И. В. ГОЛОВИНСКАЯ – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры конституционного и муниципального права факультета права Владимирского филиала РАНХиГС, доктор юридических наук

В статье рассматриваются отдельные проблемы реализации уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности, высказываются критические замечания относительно формулировки диспозиций некоторых составов преступлений, вносятся предложения, направленные на оптимизацию применения уголовно-правовых средств противодействия коррупции.

Ключевые слова: противодействие коррупции; коррупционное преступление; мелкое взяточничество; антикоррупционная политика; уголовная ответственность.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Criminal remedies against corruption

M. I. NIKOLAEVA – Associate Professor of the Department of Management and Information Technology of the Law and Management Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

I. I. SAVELYEV – Associate Professor of the Department of Management and Information Technology of the Law and Management Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Economics;

I. V. GOLOVINSKAYA – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Law Institute of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Faculty of the Vladimir Branch of RANEPA, Dsc. in Law

The article discusses certain problems of the implementation of criminal responsibility for committing crimes of corruption, criticism is made regarding the formulation of dispositions of certain corpus delicti, and proposals are made aimed at optimizing the use of criminal remedies against corruption.

Key words: anti-corruption; corruption crimes; petty bribery; anti-corruption policy; criminal liability.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В настоящее время коррупция признана одной из основных угроз национальной безопасности страны, свидетельством чему является принятие на самом высоком уровне таких документов, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, многочисленные федеральные законы, в той или иной части регламентирующие вопросы противодействия коррупции. Несмотря на все предпринимаемые государством усилия, коррупция остается реальной проблемой современного общества. Как справедливо отмечается на официальном интернет-портале правовой информации, коррупция представляет реальную угрозу конституционным принципам социальной справедливости и равенства граждан, нормальному функционированию государства, эффективному развитию экономики, наносит ущерб стабильности и безопасности общества, приводит к значимым и ощутимым потерям в социально-экономическом и политическом развитии[1].

Одним из направлений антикоррупционной политики государства является противодействие коррупции посредством применения уголовно-правовых средств. Следует заметить, что в качестве таковых можно рассматривать и криминализацию отдельных коррупционных нарушений, проявляющуюся в дополнении Особенной части УК РФ новыми составами преступлений (например, нормы, устанавливающие уголовную ответственность за мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп (до 10 тыс. руб.), посредничество во взяточничестве), и изменение санкций статей (увеличение размера отдельных видов наказаний), и изменение формулировки примечаний (например, отнесение субъектов преступления к категории должностных лиц), и возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания.

В правовом государстве власть посредством уголовного закона определяет, какие деяния являются преступными, какое наказание следует назначить за совершение конкретного общественно опасного деяния. В настоящее время структура Особенной части УК РФ такова, что законодатель лишен возможности выделить в отдельную группу коррупционные преступления. Вот почему в современных условиях, характеризующихся декларативными заявлениями об усилении борьбы с коррупционными преступлениями, уголовный закон не содержит понятия «коррупционное преступление», а уголовно-правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за коррупционные преступления, разбросаны по разным главам УК РФ. Отсутствие единообразного подхода к уголовно-правовому содержанию коррупции негативно сказывается на формировании реальных показателей коррупционной преступности, что наряду с высоколатентным ее характером затрудняет прогнозирование ее уровня, структуры и динамики, а также разработку адекватных мер противодействия, в том числе на законодательном уровне.

Поскольку, как уже отмечалось выше, ни в теории уголовного права, ни в законодательстве, ни у правоприменителей нет единого определения и понимания коррупционного преступления, продолжает оставаться актуальным вопрос, какие преступления следует относить к коррупционным. Чтобы ответить на него, нужно уяснить, для чего это нам нужно. Отнесение преступления к коррупционному может быть необходимо в контексте научных исследований. Ученые выделяют от 10 до 83 коррупционных составов.

Также это представляется важным для достижения целей уголовной статистики. В настоящее время совместным указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 12.07.2019 № 487/11/1 утверждены перечни преступлений, в том числе перечень № 23 преступлений коррупционной направленности, в котором принимаются во внимание четыре обязательных признака последних: 1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния; 2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; 3) обязательное наличие у субъекта корыстного мотива; 4) совершение преступления только с прямым умыслом[2]. Указание обновляется ежегодно, меняется набор составов преступлений в перечнях. В соответствии с этими перечнями и ведется статистический учет

в правоохранительных и судебных органах, формируются показатели преступности определенного вида. Есть преступления, которые относятся к коррупционным безусловно (15 составов Особенной части УК РФ), а остальные названные в указанном перечне более 50 статей уголовного кодекса могут рассматриваться и учитываться в качестве преступлений коррупционной направленности только при наличии определенных условий (особенности субъекта – должностное лицо, государственный служащий и муниципальный служащий; корыстный мотив; использование субъектом своего служебного положения и т. д.).

Система уголовно-правовых мер противодействия коррупции находится в состоянии постоянного реформирования. Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» была введена система кратных штрафов, зависящих от суммы взятки. Многолетняя практика реализации этой нормы свидетельствует о невозможности реального исполнения наказания в виде штрафа. Смоделируем простую ситуацию: приговором суда за получение взятки в размере 100 тыс. руб. (значительный размер – ч. 2 ст. 290 УК РФ) виновному назначено наказание в виде штрафа в размере 3 млн руб., а также дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок три года. В результате осужденный, утратив возможность трудоустроиться по специальности в соответствии с имеющейся профессией, оказался не в состоянии выплатить штраф в размере, определенном судом. Кроме того, в ходе расследования уголовных дел о взяточничестве нередко возникают сложности с выявлением имущества должностного лица, на которое может быть наложен арест (нахождение имущества за рубежом, оформление на родственников, не относящихся к категории близких, и т. д.).

В 2016 г. также принимались меры по борьбе с коррупционной преступностью. В частности, федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ в отдельные статьи УК РФ (ст. 184, 204, 290) были внесены изменения, в соответствии с которыми преступными стали деяния, когда взятка по указанию должностного лица (или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации) передается иному физическому или юридическому лицу за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц. Эта норма сразу же вступила в противоречие с п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, которым, напротив, описанные деяния преступными не признаются: «Если за совершение должностным лицом действий (бездействия) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки»[3]. Это противоречие не устранено до настоящего времени.

Также в 2016 г. УК РФ был дополнен несколькими новыми составами (ст. 204.1 «Посредничество в коммерческом подкупе», 204.2 УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп», 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество»), в ст. 304 УК РФ были внесены изменения, уточнившие круг лиц, в отношении которых возможна провокация коммерческого подкупа или взятки.

Федеральным законом от 29.12.2017 № ФЗ-469 в УК РФ введена ст. 285.4 «Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа».

Статья 304 УК РФ «Провокация взятки» с 4 мая 2018 г. излагается в новой редакции, диспозиция статьи дополнена указанием на провокацию подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

23 апреля 2018 г. был подписан федеральный закон об усилении борьбы с нарушениями в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В соответствии с этим нормативным правовым актом гл. 22 УК РФ с 4 мая 2018 г. дополнена ст. 200.4 и 200.5, предусматривающими уголовную ответственность за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комис-

сии по осуществлению закупок. Установлены также крупный и особо крупный размеры подкупа. Причиной введения новых составов в УК РФ стала недостаточность правовой регламентации ответственности уполномоченного лица, осуществляющего деятельность по закупкам товаров, работ или услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. В пояснительной записке к законопроекту произведен анализ правоприменения (к сожалению, без указания цифр и дополнительных сведений). По данным создателей нормативного правового акта, результаты анализа свидетельствуют о наличии пробелов в регулировании вопросов ответственности за факты злоупотребления в сфере государственных или муниципальных закупок.

С 8 января 2019 г. гл. 22 УК РФ была дополнена ст. 200.6 «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Принимаемые государством меры, на первый взгляд, эффективны, что подтверждается официальными статистическими данными, ежегодно представляемыми Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. В частности, уменьшается количество судебных обвинительных приговоров: так, в 2016 г. вынесено 19 905 обвинительных приговоров по делам о коррупционных преступлениях, в 2017 г. – уже 17 334, в 2018 г. – всего 16 607[4]. Однако, полагаем, снижение ряда показателей отнюдь не свидетельствует о стабилизации ситуации, связанной с коррупционной преступностью. Согласно тем же статистическим данным большинство новых составов преступлений, имеющих коррупционную окраску, не регистрируется, уголовные дела по ним не возбуждаются, судебная практика не формируется, то есть статьи носят декларативный характер и не работают.

Но и с теми составами, которые востребованы правоприменителями, все обстоит непросто. Это касается в первую очередь квалификации деяния, характеризующегося получением или дачей взятки в размере до 10 тыс. руб. при наличии квалифицирующих признаков (например, взятка в размере 4 тыс. руб. получена за незаконные действия группой лиц или взятка в размере 9 тыс. руб. сопряжена с вымогательством взятки). С одной стороны, размер взятки менее 10 тыс. руб. позволяет квалифицировать деяние в соответствии со ст. 291.2 УК РФ, с другой – квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки получения взятки существенно усиливают общественную опасность деяния и требуют применения адекватных этой опасности мер уголовно-правового реагирования, выраженных в определенных санкцией ст. 290 УК РФ виде и размере наказания. Вместе с тем, согласно правовой позиции Президиума Верховного Суда Российской Федерации, сформулированной им менее чем через три месяца после дополнения Уголовного кодекса анализируемой нормой, «получение взятки, дача взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, влекут ответственность по части 1 статьи 291.2 УК РФ независимо от того, когда (до 15 июля 2016 года или после этой даты) и за какие действия (законные или незаконные) они совершены, в каком составе участников (единолично или группой лиц), а также наличия или отсутствия других квалифицирующих признаков взяточничества»[5]. Полагаем, что подобная правовая позиция противоречит идее оптимизации уголовно-правовых мер противодействия коррупции. Эта проблема постоянно поднимается на страницах научных изданий и требует своего незамедлительного разрешения посредством внесения квалифицирующих признаков в ст. 291.2 УК РФ и дифференциации видов и размера наказания в рамках этого состава преступления.

Разумеется, в настоящее время невозможно подвергнуть радикальным реформам уголовное законодательство и сгруппировать все преступления коррупционной направленности, объединенные единым видовым объектом преступления, в рамках отдельной главы УК РФ, в то же время сформулировать понятие «коррупционное преступление» видится возможным, например, в действующем федеральном законе «О противодействии коррупции».

Внесение новых составов преступлений, в том числе коррупционной направленности, в УК РФ представляется излишней законотворческой деятельностью, целесообразнее использовать потенциал уже имеющихся в Особенной части кодекса антикоррупционных норм.

В связи с внесением изменений в уголовное законодательство необходимо своевременно устранять противоречия, содержащиеся в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по тем же вопросам.

Диспозицию ст. 291.2 УК РФ следует дополнить квалифицирующими признаками, такими, например, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, с вымогательством взятки, за со-

вершение незаконных действий и т. д. с соответствующей дифференциацией видов и размера наказания.

Поскольку эффективность применения уголовного закона измеряется не жестокостью назначенного наказания, а неотвратимостью уголовной ответственности, следует избегать двусмысленности, неконкретности и тем более противоречивости законодательных формулировок.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: URL: http://pravo.gov.ru/Inform/pravinfarticles/articles/pravinfarticles_32.html (дата обращения: 10.11.2019).
[2] См.: О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генер. прокуратуры Рос. Федерации и МВД России от 12.07.2019 № 487/11/1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] См.: О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 09.07.2013 № 24 // Рос. газ. 2013. 17 июля (№ 154).
[4] См.: URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=150 (дата обращения: 09.11.2019).
[5] См.: Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ –326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 г.) : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 28.09.2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1] Sm.: URL: http://pravo.gov.ru/Inform/pravinfarticles/articles/pravinfarticles_32.html (data obrashcheniya: 10.11.2019).
[2] Sm.: O vvedenii v dejstvie perechnej statej Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, ispol'zuemyh pri formirovanii statisticheskoj otchetnosti : ukazanie Gener. prokuratury Ros. Federacii i MVD Rossii ot 12.07.2019 № 487/11/1. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
[3] Sm.: O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korrupcionnyh prestupleniyah : postanovlenie Plenuma Verhov. Suda Ros. Federacii ot 09.07.2013 № 24 // Ros. gaz. 2013. 17 iyulya (№ 154).
[4] Sm.: URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=150 (data obrashcheniya: 09.11.2019).
[5] Sm.: Otvety na voprosy, postupivshie iz sudov, po primeneniyu federal'nyh zakonov ot 3 iyulya 2016 g. № 323-FZ –326-FZ, napravlennyh na sovershenstvovanie ugolovnoj otvetstvennosti za korrupcionnye prestupleniya i prestupleniya ekonomicheskoj napravlennosti, a takzhe osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti (vstupili v silu s 15 iyulya 2016 g.) : utv. Prezidiumom Verhov. Suda Ros. Federacii 28.09.2016. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

УДК 343.614

Доведение до самоубийства: особенности субъективной стороны

И. И. ЧУМАКОВА – преподаватель кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета

В статье содержатся сведения об изменениях в законодательстве, обеспечивающих противодействие противоправной деятельности, направленной на побуждение лиц, в том числе детей, к суицидальному поведению. Дается характеристика подходов к субъективной стороне доведения до самоубийства. Предложен следующий вариант теоретического решения проблемы субъективной стороны доведения до самоубийства: преступление может быть совершено только с косвенным умыслом.

Ключевые слова: суицид; доведение до самоубийства; субъективная сторона.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Bringing to suicide: features of the subjective side

I. I. CHUMAKOVA – Lecturer of the Law Department of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University

The article contains information about changes in the legislation that ensure counteraction to illegal activities aimed at inducing individuals, including children, to suicidal behavior. The characteristic of approaches to the subjective side of bringing to suicide is given. The following version of the theoretical solution to the problem of the subjective side of bringing to suicide is proposed: a crime can only be committed with indirect intent.

Key words: suicide; bringing to suicide; subjective side.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В настоящее время по количеству самоубийств Россия входит в число первых двух десятков государств мира. По оперативным данным Росстата, в 2015 г. на 100 тыс. жителей приходилось 17,1 самоубийств[1]. При этом по сведениям Всемирной организации здравоохранения, этот показатель в указанный период составил 27,5[2].

В последние годы в нашем государстве проводится планомерная политика по предотвращению суицидального поведения и распространения информации о способах, методах совершения самоубийств и т. п., в том числе с помощью методов уголовно-правового регулирования.

Так, федеральным законом от 28.07.2012 № 139-ФЗ[3] внесены изменения, направленные на блокировку сайтов за размещение информации о способах совершения самоубийства, призывы к совершению самоубийства.

В целях установления дополнительных механизмов противодействия побуждению лиц, в том числе детей, к суицидальному поведению федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ[4] предписано ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства» изложить в новой редакции и дополнить частью второй, связанной с совершением преступления в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в отношении двух или более лиц; группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в публичном

выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет).

Данным нормативным правовым актом также введена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства (ст. 151.2 УК РФ).

Актуальным представляется вопрос о субъективных основаниях квалификации состава доведения до самоубийства.

Под субъективной стороной уголовно наказуемого противоправного деяния понимается психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Она образует субъективное (психологическое) содержание преступления, не поддается непосредственному восприятию органами чувств человека, познается путем анализа и оценки поведения преступника и всех обстоятельств совершенного преступления, раскрывается через понятия вины, мотива и цели[5].

Вина – это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и его последствиям. В совокупности содержание вины образуют два элемента: сознание (интеллектуальный элемент) и воля (волевой элемент). В зависимости от определенности и интенсивности указанных элементов вина делится на формы, а в пределах формы – на виды. Согласно ст. 25 УК РФ умысел бывает прямым и косвенным, а неосторожность может проявляться как легкомыслие или небрежность (ст. 26 УК РФ). Форма вины либо подразумевается, либо прямо указывается в диспозициях статей Особенной части УК РФ.

Вопрос о субъективной стороне преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, вызывает в юридической литературе серьезные споры. Это обусловлено спецификой существующей редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ: «Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

С одной стороны, поскольку в ч. 1 ст. 110 УК РФ нет указания на совершение преступления по неосторожности, то доведение до самоубийства совершается с умышленной формой вины. Но, с другой стороны, ряд исследователей толкует норму ч. 2 ст. 24 УК РФ с учетом слова «только», а это значит, что субъективная сторона доведения до самоубийства характеризуется любой формой вины.

Итак, можно выделить следующие подходы к определению субъективной стороны анализируемого состава преступления:

– преступление совершается с любой формой вины (Г. Н. Борзенков[6], Э. Ф. Побегайло[7], А. И. Рарог[8], Н. И. Ветров[9] и др.);

– вина может быть только умышленной (умысел прямой или косвенный) (Т. О. Кошаева[10], Д. И. Эльмурзаев[11] и др.);

– преступление совершается только с формой вины в виде прямого умысла (В. Ш. Аюпов[12]);

– преступление совершается только с косвенным умыслом или субъективная сторона доведения до самоубийства характеризуется неосторожностью либо косвенным умыслом по отношению к последствиям (А. В. Наумов[13], А. С. Михлин[14] и др.);

– преступление может быть совершено только по неосторожности (А. И. Магомедов[15] и др.);

– неосторожная форма вины присутствует только в виде небрежности (Ю. А. Уколова[16]).

При прямом умысле виновный предвидит возможность самоубийства потерпевшего и желает этого, а при косвенном – сознательно допускает тот же результат.

По нашему мнению, преступление может быть совершено только с косвенным умыслом.

Во-первых, доведение до самоубийства не может быть совершено (в уголовно-правовом смысле) по неосторожности, так как это исключается ч. 2 ст. 24 УК РФ, и, если допустить, что можно довести человека по неосторожности до самоубийства, фактически при этом совершается объективное вменение преступного деяния.

Во-вторых, если установлено, что виновный совершал указанные в ст. 110 УК РФ действия, желая довести потерпевшего до самоубийства (прямой умысел), то содеянное следует рассматривать как умышленное убийство (ст. 105 УК РФ), а не как доведение до самоубийства.

Данное положение активно критикуется в уголовно-правовой литературе. Обозначим

два основных момента в размышлениях авторов, выступающих против квалификации прямого умысла доведения до самоубийства как убийства (В. Ф. Караулов[17], Г. Н. Борзенков, А. И. Рарог, Н. И. Ветров, В. Ш. Аюпов и др.). Они исходят из того, что при прямом умысле в доведении до самоубийства:

1) отсутствует объективная сторона убийства. Н. И. Ветров мотивирует эту позицию так: «При совершении данного преступления, в отличие от убийства, виновный не совершает действий, непосредственно приводящих к смерти потерпевшего»[18]. Данные выводы спорны по следующим основаниям: убийство может совершать не только непосредственно убийца, но и нанятое им для услуги другое лицо (по найму) или малолетнее или невменяемое лицо, выполнившее волю исполнителя; оно может быть совершено путем психического воздействия, например когда человеку, страдающему тяжелой формой кардиологического заболевания, посылают ложную телеграмму о смерти его близких в расчете на то, что он скончается от сердечного приступа. Таким образом, существует много способов совершения убийства, в том числе и через умышленное доведение до самоубийства потерпевшего. Главное при этом то, что виновный должен осознавать, что желает именно смерти потерпевшего и этим способом доведет потерпевшего до суицида, достигнув желаемого. Это не противоречит понятию убийства, поскольку то обстоятельство, что лишение жизни совершается физически не руками субъекта преступления, а потерпевшим, для оценки содеянного значения не имеет. Такой точки зрения придерживается С. В. Бородин[19], такова и позиция Верховного Суда Российской Федерации. Так, кассационным определением данной инстации был признан законным и обоснованным приговор Архангельского областного суда в отношении Ш. и К., виновных в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела Ш. и К. с целью проучить за жестокое обращение с женой (родственницей Ш.) пришли в дом к П. и начали его избивать. П., признав себя неправым по отношению к супруге и утверждая, что он после всех своих действий не достоин жизни, попросил дать ему возможность повеситься на чердаке дома. Однако Ш. и К. отказали ему в этом, объяснив, что вешаться в доме – плохая примета, и предложили выйти для осуществления данного намерения на улицу. Ш. и К. связали руки П., и они втроем отправились на берег реки. Потерпевший, будучи значительно сильнее и крупнее Ш. и К., не сопротивлялся действиям последних. Выбрав подходящее дерево, Ш. залез на него и перекинул веревку через ветку. П. самостоятельно стал на лежащее рядом бревно. К. надел петлю на шею П. и другой конец веревки закрепил на стволе. Ш. и К. отошли в сторону. П. шагнул с бревна, но веревка не натянулась, после чего он сам подогнул колени, что и вызвало затягивание петли. Ш. и К. подождали некоторое время наступления смерти П., затем сняли с дерева и закопали его труп. В процессе предварительного следствия и разбирательства уголовного дела в суде обвиняемые настаивали на вменении им ст. 110 УК РФ, объясняя это тем, что не имели умысла на убийство П. Однако Верховный Суд Российской Федерации расценил их действия как убийство[20];

2) потерпевший «самостоятельно принимает решение расстаться с жизнью и сам приводит его в исполнение, руководимый своим сознанием и волей», поэтому виновного нельзя рассматривать как посредственного исполнителя преступления. Такова научная позиция Н. И. Ветрова[21]. Считаем, что, исходя из понятия самоубийства (самостоятельное волевое действие человека), в доведении до самоубийства следует принять во внимание то, что здесь суицидент отчасти лишен свободы волеизъявления: он хочет жить, но виновный создает такие невыносимые условия (угрозами, систематическим унижением, жестоким обращением), что потерпевший фактически лишается свободы выбора в решении вопроса о продолжении своей жизни. Жертва должна умереть, по мнению преступника, и он совершает все, чтобы она сама себя лишила жизни. Но в то же время потерпевший должен самостоятельно принять решение о самоубийстве. Случаи понуждения лица к самоубийству, когда потерпевший полностью лишен воли (невменяемые, малолетние), в теории уголовного права и практике однозначно расцениваются как убийство.

Итак, преступление может быть совершено только с косвенным умыслом, когда лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность наступления общественно опасных последствий (то есть самоубийства или попытки самоубийства потерпевшего), не желает, но изначально допускает эти последствия либо относится к ним безразлично. Если установлено, что виновный совершал указанные в ст. 110 УК РФ действия,

желая довести потерпевшего до самоубийства (прямой умысел), то содеянное следует рассматривать как умышленное убийство (ст. 105 УК), а не как доведение до самоубийства. Несмотря на то что по данному вопросу есть четкая позиция Верховного Суда Российской Федерации, отдельные суды при явном совершении в отношении потерпевшего принуждения к убийству квалифицируют деяние по ст. 110 УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См.: URL: https://www.rbc.ru/society/10/02/2016/56ba00a79a79474ccbd2bccb (дата обращения: 10.11.2019).
[2] См.: URL: http://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDEASDR?lang=en# (дата обращения: 10.11.2019).
[3] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 31. Ст. 4328.
[4] См.: Там же. 2017. № 24. Ст. 3489.
[5] См.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. проф. А. И. Рарога. 2-е изд., с изм. и доп. М., 2008. С. 123.
[6] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 5-е изд., доп. и испр. М., 2006. С. 316.
[7] См.: Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 2000. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[8] См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2004. С. 50.
[9] См.: Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов. М., 2000. С. 46.
[10] См.: Кошаева Т. О. Уголовное право Российской Федерации : учеб. М., 1999. С. 267.
[11] См.: Эльмурзаев Д. И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства : дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 103–120.
[12] См.: Аюпов В. Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 2 (4). С. 12–16.
[13] См.: Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 2. Особенная часть (гл. I – X). С. 104.
[14] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв.ред. В. И. Радченко, науч. ред. А. С. Михлин. М., 2008. С. 182.
[15] См.: Магомедов А. И. Проблемы совершенствования ответственности за доведение до самоубийства // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2007. № 1. С. 416.
[16] См.: Уколова Ю. А. Форма вины при доведении до самоубийства // Рос. следователь. 2007. № 12.
[17] См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. С. 51.
[18] Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть. С. 46.
[19] См.: Российское уголовное право : в 2 т. / под ред. проф. А. И. Рарога. М., 2004. Т. 2. Особенная часть. С. 52.
[20] См.: Уколова Ю. А. Форма вины при доведении до самоубийства. С. 29; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 1-006-39.
[21] См.: Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть. С. 46.

[1] Sm.: URL: https://www.rbc.ru/society/10/02/2016/56ba00a79a79474ccbd2bccb (data obrashcheniya: 10.11.2019).
[2] Sm.: URL: http://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDEASDR?lang=en# (data obrashcheniya: 10.11.2019).
[3] Sm.: Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2012. № 31. St. 4328.
[4] Sm.: Tam zhe. 2017. № 24. St. 3489.
[5] Sm.: Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' / pod red. prof. A. I. Raroga. 2-e izd., s izm. i dop. M., 2008. S. 123.
[6] Sm.: Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / otv. red. V. M. Lebedev. 5-e izd., dop. i ispr. M., 2006. S. 316.
[7] Sm.: Kommentarij k Ugolovnomu Kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. YU. I. Skuratova i V. M. Lebedeva. M., 2000. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
[8] Sm.: Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast' / pod red. L. V. Inogamovoj-Hegaj, A. I. Raroga, A. I. CHuchaeva. M., 2004. S. 50.
[9] Sm.: Vetrov N. I. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' : ucheb. dlya vuzov. M., 2000. S. 46.
[10] Sm.: Koshaeva T. O. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii : ucheb. M., 1999. S. 267.
[11] Sm.: El'murzaev D. I. Ugolovnaya otvetstvennost' za dovedenie do samoubijstva : dis. … kand. yurid. nauk. M., 2004. S. 103–120.
[12] Sm.: Ayupov V. SH. Soderzhanie sub»ektivnoj storony dovedeniya do samoubijstva (st. 110 UK RF) // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2012. № 2 (4). S. 12–16.
[13] Sm.: Naumov A. V. Rossijskoe ugolovnoe pravo : kurs lekcij : v 3 t. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2007. T. 2. Osobennaya chast' (gl. I – X). S. 104.
[14] Sm.: Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / otv.red. V. I. Radchenko, nauch. red. A. S. Mihlin. M., 2008. S. 182.
[15] Sm.: Magomedov A. I. Problemy sovershenstvovaniya otvetstvennosti za dovedenie do samoubijstva // «CHernye dyry» v Rossijskom zakonodatel'stve. 2007. № 1. S. 416.
[16] Sm.: Ukolova YU. A. Forma viny pri dovedenii do samoubijstva // Ros. sledovatel'. 2007. № 12.
[17] Sm.: Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast' / pod red. L. V. Inogamovoj-Hegaj, A. I. Raroga, A. I. CHuchaeva. S. 51.
[18] Vetrov N. I. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. S. 46.
[19] Sm.: Rossijskoe ugolovnoe pravo : v 2 t. / pod red. prof. A. I. Raroga. M., 2004. T. 2. Osobennaya chast'. S. 52.
[20] Sm.: Ukolova YU. A. Forma viny pri dovedenii do samoubijstva. S. 29; Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po delu № 1-006-39.
[21] Sm.: Vetrov N. I. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. S. 46.

УДК 343.2

Преступность в космосе – фантастический поворот действительности

Т. Н. УТОРОВА – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

Д. О. СИЗОВ – курсант 3 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье раскрываются особенности международно-правового регулирования действия уголовного закона в космическом пространстве, указывается на необходимость создания единого универсального уголовного закона для стран, имеющих доступ к космическому пространству.

Ключевые слова: уголовный закон; преступление; действие уголовного закона в пространстве; уголовная юрисдикция; гражданин.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Crime in space – a fantastic turn of reality

T. N. UTOROVA – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

D. O. SIZOV – 3rd year cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article reveals the international legal features of the regulation of the criminal law in outer space, indicates the need to create a single universal criminal law for countries with access to outer space.

Key words: criminal law; the crime; the effect of criminal law in space; criminal jurisdiction; citizen.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Каждый из нас имеет свое представление о картине будущего. Кто-то видит себя гениальным инженером, кто-то – выдающимся врачом, спасающим сотни жизней… Многие представляли себя в роли бесстрашного исследователя космоса, колонизатора новых планет, контактера с инопланетным разумом, мечтали стать космонавтами, капитанами космических кораблей, а некоторые даже космическими разбойниками.

Как бы то ни было, человек оказался способен совершать преступления и в таком неизведанном и малоизученном пространстве, как космос. Летом 2019 г. с борта Международной космической станции (МКС) американский астронавт Энн Макклейн совершила взлом банковского счета своей бывшей супруги Саммер Уорден. По заверениям представителей НАСА, данный случай является первым зафиксированным правонарушением, совершенным в космическом пространстве[1].

Однако уголовная ответственность за преступления, совершенные в космосе и на космических объектах, является регламентированной как в международном, так и национальном праве. При этом космическая деятельность активно развивается, стано-

вится все более разнообразной, охватывая широкий спектр явлений начиная от размещения околоземных спутников и до налаживания космического туризма, и требует правого регулирования.

Действие уголовного закона зависит от времени и места совершения преступления. Действие уголовного закона в пространстве обусловлено такими принципами, закрепленными в УК РФ, как территориальный, экстерриториальный, принцип гражданства, реальный и универсальный принципы. Они позволяют определить, относится ли то или иное деяние к юрисдикции Российской Федерации.

Так, согласно территориальному принципу лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по УК РФ (ч. 1 ст. 11)[2]. Каждое государство осуществляет полную юрисдикцию в пределах своей территории и ограниченную в отношении своих граждан за рубежом[3].

К территории России относится и воздушное пространство, которое согласно п. 2 ст. 1 Воздушного кодекса Российской Федерации включает воздушное пространство над территорией Российской Федерации, в том числе воздушное пространство над внутренними водами и территориальным морем. При этом определение боковой границы воздушного пространства не вызывает затруднений: ею является вертикальная плоскость, измеряемая от сухопутной или водной государственной границы. Граница между воздушным пространством Российской Федерации и космосом, открытым для всех государств, законодательно не установлена ни российскими, ни международными правовыми актами. На практике действует международный обычай, согласно которому космическое пространство начинается на высоте более 100–110 км над уровнем океана. Кроме того, российским законодательством не урегулирован вопрос юрисдикции в отношении космических объектов при нахождении их в воздушном пространстве Российской Федерации. В соответствии с территориальным принципом космический объект должен подпадать под юрисдикцию Российской Федерации, однако международными нормами установлена юрисдикция страны – владельца объекта. Этот момент получил отражение в ст. 19 Закона Российской Федерации от 20.08.1993 № 5663-1 (ред. 15.04.2019) «О космической деятельности»[4], допускающей «одноразовый пролет космического объекта через воздушное пространство Российской Федерации с целью его запуска на орбиту вокруг Земли или дальше в космическое пространство, а также с целью возвращения его на Землю при условии заблаговременного уведомления соответствующих российских служб».

Само космическое пространство и объекты в нем не могут быть отнесены к территории какого-либо государства и обладают специальным статусом. Так, согласно ст. II Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (1966 г.)[5], космическое пространство, Луна и другие небесные тела не подлежат национальному присвоению никакими средствами. Но как же тогда уголовный закон действует в космическом пространстве? По всей видимости, следует руководствоваться экстерриториальным принципом, состоящим в распространении юрисдикции на деяния, совершенные за пределами государства, в частности в Антарктиде.

Согласно ст. 7 Декларации правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства (1963 г.)[6], на объект, запущенный в космическое пространство, и любой экипаж такого объекта распространяется юрисдикция государства, в регистр которого занесен данный объект. Возникает вопрос, распространяется ли такая юрисдикция на пассажира – космического туриста. В соответствии со ст. 5 указанной декларации государства контролируют национальную деятельность в космическом пространстве, осуществляемую в том числе и неправительственными организациями, и несут ответственность за нее.

Таким образом, можно сказать, что уголовная юрисдикция распространяется на объект в космическом пространстве в зависимости от принадлежности его определенному государству. Однако в космическом пространстве существуют объекты, обладающие международным статусом и не принадлежащие одному конкретному государству целиком. Примером может послужить вышеупомянутая МКС, состоящая из орбитальных элементов с разной государственной отнесенностью. Вопрос уголовной ответственности на станции МКС регулируется ст. 22 Соглашения между Правительством Канады, правительствами государств – членов Европейского космического агентства, Правительством Японии,

Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения (1998 г.)[7]. Данная статья гласит, что государства – участники соглашения осуществляют уголовную юрисдикцию по отношению к своим гражданам, то есть указанным документом установлен приоритет относительно юрисдикции государств – партнеров над элементами МКС. Таким образом, российский гражданин, совершивший преступление на элементе МКС, принадлежащем иному государству, будет нести ответственность по российскому уголовному закону. Нерешенным, однако, остается вопрос о юрисдикции в отношении граждан государств, не являющихся участниками указанного соглашения. По нашему мнению, на них следует распространять юрисдикцию государства – владельца соответствующего модуля (объекта).

Нельзя не упомянуть и о имеющемся исключении: в случае, если действия астронавта затрагивают жизнь и безопасность гражданина другого государства либо если преступление совершено внутри или на орбитальном модуле другого государства, а также в случае, когда преступлением причиняется ущерб данному модулю, предварительно проконсультировавшись с государством, чьим гражданином является злоумышленник, потерпевшая сторона может осуществить в отношении преступника уголовную юрисдикцию. При этом в течение 90 дней со дня начала консультаций должно быть соблюдено одно из двух условий:

1) государство, гражданином которого является злоумышленник, соглашается на подобное осуществление уголовной юрисдикции;

2) государство, гражданином которого является злоумышленник, не представило заверений в том, что оно передаст дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования.

По возвращении на Землю к правонарушителю может быть применен институт экстрадиции. Однако возникает проблема: уголовно наказуемые деяния в уголовных законах разных стран различны, и это обусловливает дополнительную сложность соблюдения принципа справедливости действия уголовного права в космическом пространстве.

Не стоит забывать, что в космическом пространстве существуют жизненно важные для человечества сферы деятельности (предотвращение образования космического мусора, научно-исследовательская деятельность, поддержание средств коммуникации и т. д.), которые в ближайшее время также могут потребовать уголовно-правовой защиты.

По нашему мнению, целесообразно принять общий для космических держав уголовный закон, защищающий права и свободы человека в космическом пространстве и на космических объектах. Создание подобного документа позволит унифицировать, привести к соответствию уголовную ответственность за деяния, совершенные в космическом пространстве, в том числе и стандартизировать перечень уголовно наказуемых деяний.

Кроме того, необходимо определиться с границами действия национального уголовного законодательства и космического универсального уголовного закона. Мы предлагаем при разрешении данного вопроса обратиться к международному обычаю, установив линию разграничения действия данных уголовных законов на высоте до 100 км над уровнем моря. При этом следует предусмотреть, что если преступление будет совершено выше данной отметки, то применению подлежит единый уголовный закон.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: НАСА расследует, возможно, первое преступление, совершенное в космосе. URL: https://www.bbc.com/russian/news-49459772 (дата обращения: 13.09.2019).
[2] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 02.08.2019). Ст. 11. Ч. 1. URL: http://www.pravo.gov.ru/ 02.08.2019. (дата обращения: 13.09.2019).
[3] Лукашук И. И. Уголовная юрисдикция // Гос-во и право. 1998. № 2. С. 112.
[4] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2019).
[5] См.: URL: https://undocs.org/ru/A/RES/2222%28XXI%29 (дата обращения: 13.09.2019).
[6] См.: URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1962%28XVIII%29 (дата обращения: 13.09.2019).
[7] См.: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[1] Sm.: NASA rassleduet, vozmozhno, pervoe prestuplenie, sovershennoe v kosmose. URL: https://www.bbc.com/russian/news-49459772 (data obrashcheniya: 13.09.2019).
[2] Sm.: Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63–FZ (red. ot 02.08.2019). St. 11. CH. 1. URL: http://www.pravo.gov.ru/ 02.08.2019. (data obrashcheniya: 13.09.2019).

[3] Lukashuk I. I. Ugolovnaya yurisdikciya // Gos-vo i pravo. 1998. № 2. S. 112.
[4] URL: http://www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 15.04.2019).
[5] Sm.: URL: https://undocs.org/ru/A/RES/2222%28XXI%29 (data obrashcheniya: 13.09.2019).
[6] Sm.: URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1962%28XVIII%29 (data obrashcheniya: 13.09.2019).
[7] Sm.: Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

УДК 343.85

Насильственные преступления, совершаемые осужденными в отношении персонала исправительного учреждения: особенности предупреждения

А. А. СЕМЕНКО – курсант 5 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России;

В. Н. НЕКРАСОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассмотрено понятие насильственной пенитенциарной преступности, обозначены ее разновидности и некоторые особенности, определена роль такой преступности в реализации целей уголовно-исполнительного законодательства, а также выделены основные объекты профилактической работы в данной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: насильственная пенитенциарная преступность; осужденный; персонал исправительного учреждения; профилактика (предупреждение) преступлений; исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы; исправление осужденного; уголовная ответственность; уголовное наказание; стабильность общества.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Violent crimes committed by convicts against prison staff: specifics of prevention

A. A. SEMENKO – 5th year cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

V. N. NEKRASOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

The article discusses the concept of violent penal crime, identifies its varieties and some features, defines the role of such crime in realizing the goals of the penal legislation, and highlights the main objects of preventive work in this area of public relations.

Key words: violent penal crime; convicted; correctional staff; crime prevention (warning); execution of a criminal sentence of imprisonment; correction of the convict; criminal liability, criminal punishment; social stability.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Существует много научных подходов к определению понятия «насильственная пенитенциарная преступность». Однако все исследователи в области уголовного права и криминологии сходятся во мнении, что ее целесообразно трактовать как совокупность преступлений, связанных с применением физического или психического насилия, которые выступают в качестве элемента мотивации либо служат одним из способов достижения каких-либо целей и которые совершаются в местах лишения свободы, в частности в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России[1]. Опираясь на данную дефиницию, можно выделить два типа пенитенциарной насильственной преступности: насильственно-эгоистическую и корыстно-насильственную.

К первому типу относятся процессуальные преступления (приносят удовлетворение самим процессом их совершения в местах лишения свободы), ко второму – инструментальные (служат способом решения тех или иных проблем, возникающих в исправительном учреждении). В первом случае можно утверждать, что преступления совершаются осужденными, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости. Согласно статистическим данным ФСИН России таких лиц в местах лишения свободы около половины. Этот факт обусловливает специфику профилактики насильственной пенитенциарной преступности в исправительных учреждениях.

Для выработки профилактических мер по предупреждению насильственных преступлений осужденных в отношении персонала пенитенциарных учреждений целесообразно выделить соответствующую группу преступлений. Используя формально-юридический метод исследования, в нее можно включить следующие уголовно-правовые составы: ст. 105 УК РФ (в исправительных учреждениях в 2018 г. совершено 4 таких преступления)[2], умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (около 3 % от всей пенитенциарной преступности), дезорганизация деятельности учреждений (192 случая в 2018 г. (21 %)).

В рамках исследования предмета научной статьи важно уяснить, что профилактика является основным звеном в процессе предупреждения преступлений и выступает средством достижения последнего. К числу объектов профилактических мероприятий можно отнести:

1. Внешние факторы, которые определяются наличием в исправительном учреждении криминальной среды, в которой развивается преступная деятельность, а именно: характер межличностных связей осужденных, социально-ролевые особенности отрицательно направленных осужденных и иные виктимологические моменты. В контексте рассматриваемой проблемы стоит подчеркнуть особое значение обеспечения неукоснительного соблюдения требований режима и охраны. Сотрудники исправительного учреждения должны производить адекватные и справедливые действия, чтобы не вызвать резкую волну протеста осужденных и, как правило, совершение ими в дальнейшем противоправных деяний насильственного характера.

2. Необходимость подвергать профилактическому воздействию любые проявления девиантного поведения осужденных. В отличие от предупреждения как цели уголовного наказания, объектом профилактики являются любое правонарушение, акт нестандартного поведения и неповиновения, поскольку именно они образуют обстоятельства, которые напрямую могут спровоцировать криминальную активность осужденных.

3. Психологические особенности отдельно взятых осужденных, их ценностные ориентации, мотивация, исходя из анализа которых следует составлять планы работы по профилактике насильственных преступлений осужденных в отношении персонала исправительного учреждения. Целесообразной представляется также дифференциация лекционных занятий и бесед по группам осужденных: для насильственно-эгоистических преступников избирать психокоррекционные программы, направленные на десоциализацию соответствующих личностных психологических качеств, для корыстно-насильственных – больше профориентационные программы, позволяющие ресоциализировать осужденных таким образом, чтобы личную заинтересованность они реализовывали, используя для этого законные способы и средства.

4. Состояние контроля со стороны официальных органов и лиц, в чью компетенцию входит исполнение наказаний. Предлагаем принимать во внимание при, например, проведении инспектирования такой критерий, как эффективность работы исправительного учреждения в рамках профилактики насильственной преступности. Отслеживать данный показатель можно посредством установления наличия или, наоборот, отсутствия соответствующих преступлений в местах лишения свободы. Это повысит служебную дисциплину и исполнительность сотрудников в рассматриваемой сфере[3].

5. Актуализация мер социально-экономического характера, которые могут оказывать превентивное воздействие и влиять на криминологические факторы совершения насильственных преступлений в исправительном учреждении. Считаем, что здесь речь должна идти прежде всего о мероприятиях по привлечению осужденных к труду и поиску новых работодателей. Ретроспективный анализ, а также обращение к современному опыту деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы показывают, что реальные результаты при исправлении осужденных, в том числе и в плане профилактики их отрицательной девиации, можно достичь через раскрытие нравственного по-

тенциала трудовой деятельности. Именно это служит основой для формирования и развития самоуважения и личного достоинства.

Таким образом, насильственная преступность осужденных в отношении персонала исправительных учреждений является составной частью общей пенитенциарной преступности и представляет собой совокупность преступлений против здоровья и жизни человека, а также включает ряд специфических составов, характерных исключительно для мест лишения свободы (например, посягательство на нормальный порядок функционирования исправительного учреждения – основной объект посягательства) и связанных с посягательством на здоровье и жизнь сотрудника (как дополнительный объект состава преступления). Полагаем, что профилактику в обозначенной сфере необходимо осуществлять по пяти основным элементам объекта: использовать внешние факторы, не допускать попустительства даже малейшей отрицательной девиации осужденных, дифференцированно подходить к подбору психокоррекционных программ, усилить контроль и надзор за проведением профилактических мероприятий, актуализировать социально-экономическую сферу в местах лишения свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Пестерева Ю. С. К вопросу о понятии «насильственная преступность» // Вестн. Омск. юрид. акад. 2014. № 2 (23). С. 65.
[2] См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь–декабрь 2018 г. : информ.-аналит. сб. Тверь, 2019. С. 20.
[3] См.: Грибунов О. П., Качурова Е. С. Предупреждение и расследование насильственных преступлений, совершаемых в местах лишения свободы : учеб. пособие. Иркутск, 2013. С. 20.

[1] Sm.: Pestereva YU. S. K voprosu o ponyatii «nasil'stvennaya prestupnost'» // Vestn. Omsk. yurid. akad. 2014. № 2 (23). S. 65.
[2] Sm.: Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy za yanvar'–dekabr' 2018 g. : inform.-analit. sb. Tver', 2019. S. 20.
[3] Sm.: Gribunov O. P., Kachurova E. S. Preduprezhdenie i rassledovanie nasil'stvennyh prestuplenij, sovershaemyh v mestah lisheniya svobody : ucheb. posobie. Irkutsk, 2013. S. 20.

УДК 343.137.9

Особенности предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о применении принудительных мер медицинского характера

И. И. КАРТАШОВ – доцент кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж), кандидат юридических наук, доцент;

В. В. САЛИКОВА – магистрант Центрального филиала Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж)

В статье рассматриваются особенности производства по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера. Анализируя различные точки зрения на данный предмет и учитывая нормы УПК РФ, авторы приходят к выводу о необходимости обязательного возбуждения уголовного дела вне зависимости от тяжести совершенного общественно опасного деяния. Также затрагиваются вопросы специфики этапа окончания предварительного следствия и судебного разбирательства по таким делам.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера; предварительное следствие; психическое расстройство; уголовно-процессуальная форма; судебное разбирательство.

12.00.09 – Уголовный процесс

Features of preliminary investigation and trial of cases on application of compulsory medical measures

I. I. KARTASHOV – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Central branch of the Russian State University of Justice (Voronezh); PhD. in Law, Associate Professor;

V. V. SALIKOVA – Master's student of the Central branch of the Russian State University of Justice (Voronezh)

The article deals with the peculiarities of criminal proceedings on the application of compulsory medical measures. Analyzing various points of view on this subject and taking into account the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the authors come to the conclusion that it is necessary to initiate a criminal proceedings regardless of the severity of the committed socially dangerous act. It also addresses the specifics of the stage of completion of the preliminary investigation and the trial of such cases.

Key words: compulsory medical measures; preliminary investigation; mental disorder; criminal procedure; trial.

12.00.09 – Criminal procedure

Производство в усложненной уголовно-процессуальной форме, предусмотренной гл. 51 УПК РФ, на досудебных стадиях уголовного процесса осуществляется только в форме предварительного следствия, на что прямо указано в ч. 1 ст. 434 УПК РФ.

Вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении лица, страдающего психическим

расстройством, до настоящего времени однозначно не решен окончательно. Часть специалистов указывает, что наличие душевного заболевания не является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела, поскольку в любом случае при совершении общественно опасного деяния необходимо устанавливать основания применения принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ), предусмотренных ч. 2 ст. 433 УПК РФ[1]. Другая часть придерживается полярной позиции, обосновывая ее тем, что факт наличия психического заболевания лица является обстоятельством, исключающим возможность возбуждения уголовного дела[2]. Компромиссный подход предполагает отказ от возбуждения уголовного дела о преступлении небольшой тяжести, если лицо с очевидностью не представляет опасности для себя и других лиц[3].

На наш взгляд, возбуждение уголовного дела в рассматриваемой ситуации является обязательным независимо от тяжести совершенного общественно опасного деяния, имеющего признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Так, даже при наличии медицинской справки на этапе проверки сообщения о преступлении вывод о том, что лицо совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, может быть сделан только на основании судебно-психиатрической экспертизы, которая проводится уже по возбужденному уголовному делу. При этом в случае наличия обстоятельств, вызывающих сомнения во вменяемости лица, в отношении которого проводится доследственная проверка, экспертиза может быть назначена до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), однако в силу специфики ее производства (определенный срок, необходимость помещения лица в медицинское учреждение) экспертное заключение может быть получено уже на этапе предварительного следствия.

Самостоятельным признаком усложнения предварительного следствия в рассматриваемой ситуации является обязательность участия законного представителя и защитника. В соответствии с ч. 1 ст. 437 УПК РФ в качестве законных представителей могут выступать близкие родственники, а именно родители, усыновители или другие указанные в п. 4 ст. 5 УПК РФ лица, а при их отсутствии – орган опеки и попечительства. Юридическим основанием допуска законного представителя к участию в производстве по делу является постановление следователя или постановление (определение) суда. С момента вынесения соответствующего постановления у должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, возникает обязанность разъяснить с составлением протокола комплекс процессуальных прав, предусмотренных ч. 2 ст. 437 УПК РФ, а затем обеспечить их реализацию законным представителем.

Защитник, являясь обязательным участником производства, предусмотренного гл. 51 УПК РФ, допускается в процесс, как уже было отмечено, с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы. Заметим, что используемая в ст. 438 УПК РФ формулировка предполагает, что в любом случае при вынесении названного выше постановления в отношении лица (даже если оно не находится в статусе подозреваемого или обвиняемого) защитник допускается к участию в деле. На наш взгляд, это позволяет сделать еще один принципиально важный вывод: само производство о применении ПММХ начинается именно с момента вынесения постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, что и является основанием возникновения у следователя обязанности обеспечить повышенные гарантии защиты прав и законных интересов лица, в отношении которого такое производство начато.

Определенной спецификой обладает и этап окончания предварительного следствия, который возможен в двух формах:

1) прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24, 27 УПК РФ, а также в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда;

2) направление уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

Анализ положений гл. 29 УПК РФ позволяет установить определенную последовательность действий следователя. Во-первых, являясь формами окончания предварительного расследования, прекращение уголовного дела и направление уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера требуют признания завершенным процесса доказывания. Компетентное должностное лицо в соответствии с требованиями ст. 17, 88 УПК РФ оценивает совокупность собранных по делу доказательств и приходит к выводу о том, что в силу наличия оснований

для прекращения уголовного дела дальнейшее его движение невозможно либо имеются перечисленные в законе основания для применения ПММХ.

Во-вторых, в определенных законом случаях необходимо получение согласия обвиняемого (подозреваемого), его законного представителя, а также потерпевшего на прекращение уголовного дела. Например, если уголовное дело прекращается по нереабилитирующему основанию, то в соответствии с ч. 2 ст. 27 УПК РФ необходимо получение согласия обвиняемого (подозреваемого), если уголовное дело прекращается примирением сторон, то кроме того следует получить письменное согласие потерпевшего (ст. 25 УПК РФ).

В-третьих, все процессуальные действия следователя (дознавателя) должны быть надлежащим образом оформлены. По общему правилу, актами, завершающими досудебное производство, в рассматриваемом случае являются:

– постановление о прекращении уголовного дела, которое имеет строго формальный характер и должно содержать сведения о дате и месте его вынесения; должности, фамилии, инициалах лица, его вынесшего; обстоятельствах, послуживших поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; квалификации преступного деяния, по признакам которого было возбуждено уголовное дело; результатах предварительного следствия с указанием данных о лицах, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование; применявшихся мерах пресечения; основании прекращения уголовного дела; решении об отмене меры пресечения, а также наложении ареста на имущество, корреспонденцию, временного отстранения от должности, контроля и записи переговоров; решении о вещественных доказательствах; порядке обжалования (ч. 2 ст. 213 УПК РФ). Копия постановления о прекращении уголовного дела направляется прокурору;

– постановление о направлении уголовного дела в суд для применения ПММХ, в котором должны быть изложены обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 434 УПК РФ, основание применения ПММХ, указанное в ст. 97 УК РФ, доводы защитника и других лиц, оспаривающих основание для применения ПММХ, если таковые имеются.

В рамках реализации функции надзора за законностью производства предварительного следствия прокурор утверждает постановление о направлении уголовного дела в суд, копия которого вручается лицу, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, его защитнику и законному представителю.

Если психическое расстройство душевнобольного не мешает ему принимать участие в судебном заседании, то в соответствии со ст. 241 УПК РФ рассмотрение дела осуществляется в закрытом порядке, что является изъятием из общего начала гласности. Эта особенность имеет весьма большое значение, так как наличие большого количества людей, напряженная обстановка, в которой лицо, имеющее психическое расстройство, является объектом пристального внимания, могут спровоцировать резкое ухудшение самочувствия последнего. В связи с этим вероятно возникновение эмоционального и бредового состояний, что пагубно сказывается на психическом здоровье лица, а также объективности рассмотрения уголовного дела.

При отсутствии обвинения в его материально-правовом значении рассмотрение вопроса о применении принудительных мер в судебном заседании имеет специфику, которая в специальной литературе позиционируется как отступление от общего начала состязательности ввиду отсутствия спора, связанного с разрешением уголовно-правового конфликта по существу[4]. Мы полагаем, что приведенная позиция не свободна от критики, поскольку в рамках производства, предусмотренного гл. 51 УПК РФ, рассматривается правовой спор иного рода – о правоограничениях, накладываемых на лицо, которое не может в полной мере отстаивать свои права и законные интересы. В его ходе прокурор как представитель органа уголовного преследования обосновывает необходимость применения принудительных мер, а законный представитель и защитник, чье участие в процессе, как уже было отмечено выше, является обязательным, – интересы лица, страдающего психическим расстройством, которые не всегда совпадают с интересами государства. Нарушение состязательности судопроизводства, которое выражается в отсутствии какой-либо из сторон в судебном заседании, в данном случае рассматривается как существенное и влечет за собой отмену вынесенного судебного решения. Например, Воронежским областным судом было отменено постановление Хохольского районного суда, которым в отношении Р. была изменена принудительная мера медицинского характера с принуди-

тельного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа на принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением. Основанием для вынесения названного решения послужил тот факт, что законный представитель Р. не был надлежащим образом извещен о дате и времени судебного заседания, что является нарушением процедуры, предусмотренной ч. 1 ст. 445 УПК РФ[5].

Говоря о рассмотрении постановления о направлении уголовного дела в суд для применения ПММХ в судебном разбирательстве, следует остановиться на итоговом решении суда, которое принимается в том случае, когда в ходе судебного следствия было установлено, что деяние, запрещенное уголовным законом, совершено лицом в состоянии невменяемости или что у этого лица после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания (ч. 1 ст. 443 УПК РФ). Постановление об освобождении лица от уголовной ответственности или от наказания и применении к нему принудительных мер медицинского характера структурно не отличается от приговора, поскольку содержит вводную, описательную и резолютивную части. В описательной части постановления должны быть изложены установленные судом обстоятельства содеянного на основании исследованных доказательств, дана юридическая оценка действиям лица и приведены мотивы принятого решения. В резолютивной части постановления содержатся указания о его освобождении от уголовной ответственности или наказания и применении конкретной принудительной меры медицинского характера, решение вопроса об отмене меры пресечения, если она не была отменена ранее. Выбор конкретной ПММХ осуществляется с учетом положений уголовного закона, предписывающих суду исходить из характера и степени психического расстройства, опасности лица для себя и других лиц или возможности причинения им иного существенного вреда. Как показывает анализ судебной практики, во всех случаях в мотивировочной части судебного решения содержится отсылка к выводам экспертного заключения о психическом состоянии лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и другим собранным по делу доказательствам. Выбор медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа, специализированного типа с интенсивным наблюдением суд делает, основываясь на степени опасности лица и уровне необходимого за ним наблюдения.

Таким образом, применение ПММХ законодатель относит к исключительной судебной компетенции по ряду причин. Во-первых, посредством правосудия в данном случае реализуется обязанность государства изолировать и лечить лиц, которые в состоянии психического расстройства совершили общественно опасные деяния, попадающие под признаки преступления, и представляют дальнейшую опасность для себя или других лиц. Во-вторых, несмотря на то, что принудительные меры не являются уголовным наказанием и не влекут последствий в виде судимости, они имеют правоограничительный характер. Кроме того, их применение не зависит от желания лица, подвергающегося принудительному лечению, его законных представителей, близких родственников, родственников и иных близких лиц. В-третьих, применение судом принудительных мер сопряжено с его обязанностью установить в судебном заседании основания и условия помещения лица в соответствующую медицинскую организацию для лечения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Газетдинов Н. И. О механизме реализации принципов уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела // Рос. следователь. 2018. № 7. С. 11–14; Махов В. Законодательство о возбуждении уголовного дела // Законность. 1997. № 1. С. 30–36; Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : моногр. / под ред. И. С. Дикарева. Волгоград, 2011. 378 с.

[2] См.: Бедняков И. Л. Досудебное производство: от Концепции судебной реформы к современности // Уголов. судопроизводство. 2017. № 1. С. 26–32; Основы уголовного судопроизводства : учеб. для бакалавров / под ред. В. А. Давыдова, В. В. Ершова. М., 2017. С. 119–132.

[3] См.: Уголовный процесс Российской Федерации : учеб. / под ред. А. П. Кругликова. М., 2012. С. 118–122; Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 211.

[4] См.: Воскобойник И. О. К вопросу о необходимости совершенствования уголовно-процессуальной формы производства о применении принудительных мер медицинского характера // Рос. юстиция. 2016. № 9. С. 33.

[5] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда от 02.12.2011. URL: https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-103663327/ (дата обращения: 26.04.2019).

[1] Sm.: Gazetdinov N. I. O mekhanizme realizacii principov ugolovnogo sudoproizvodstva na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Ros. sledovatel'. 2018. № 7. S. 11–14; Mahov V. Zakonodatel'stvo o vozbuzhdenii ugolovnogo dela // Zakonnost'. 1997. № 1. S. 30–36; Sushchnost' i aktual'nye problemy stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela : monogr. / pod red. I. S. Dikareva. Volgograd, 2011. 378 s.

[2] Sm.: Bednyakov I. L. Dosudebnoe proizvodstvo: ot Koncepcii sudebnoj reformy k sovremennosti // Ugolov. sudoproizvodstvo. 2017. № 1. S. 26–32; Osnovy ugolovnogo sudoproizvodstva : ucheb. dlya bakalavrov / pod red. V. A. Davydova, V. V. Ershova. M., 2017. S. 119–132.

[3] Sm.: Ugolovnyj process Rossijskoj Federacii : ucheb. / pod red. A. P. Kruglikova. M., 2012. S. 118–122; Himicheva G. P. Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam: koncepciya sovershenstvovaniya ugolovno-processual'noj deyatel'nosti. M., 2003. S. 211.

[4] Sm.: Voskobojnik I. O. K voprosu o neobhodimosti sovershenstvovaniya ugolovno-processual'noj formy proizvodstva o primenenii prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera // Ros. yusticiya. 2016. № 9. S. 33.

[5] Sm.: Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Voronezhskogo oblastnogo suda ot 02.12.2011. URL: https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-103663327/ (data obrashcheniya: 26.04.2019).

ПЛОЩАДКА ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

УДК 343:001.92

Направления исследований проблем назначения и исполнения уголовных наказаний: обзор научных статей

Ю. И. КАРАВАЕВА – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук

В статье представлен анализ результатов исследований, опубликованных в научно-практическом журнале ВИПЭ ФСИН России «Пенитенциарная наука» (до августа 2019 г. – «Вестник института: преступление, наказание, исправление»), по проблемам назначения и исполнения уголовных наказаний. Также внимание уделено дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, правовому регулированию надзора, организационным и правовым проблемам исполнения наказаний, анализу уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, компаративным исследованиям в пенитенциарной сфере России и зарубежных стран.

Ключевые слова: назначение и исполнение уголовных наказаний; уголовная ответственность; надзор; пенитенциарный правопорядок; исправительное учреждение; осужденный; ресоциализация осужденных; привлечение к труду.

Areas of research the problems of appointment and execution of criminal sentences: a review of scientific articles

YU. I. KARAVAEVA – Scientific Secretary of the Scientific Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Sociology

The article presents an analysis of the results of studies published in the scientific and practical journal of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia «Penitentiary Science» (until August 2019, «Institute Journal: Crime, Punishment, Correction») on the issues of the imposition and execution of criminal penalties. Attention is also paid to the differentiation and individualization of criminal liability, the legal regulation of supervision, the organizational and legal problems of the execution of sentences, the analysis of criminal and penal legislation, comparative studies in the penitentiary sphere of Russia and foreign countries.

Key words: imposition and execution of criminal penalties; criminal liability; supervision; penal law and order; correctional institution; convicts; resocialization of convicts; involvement to work.

В соответствии с планом мероприятий по реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденным приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 28.11.2016 № 265[1], исследование теоретических и прикладных проблем формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики является одним из основных мероприятий, направленных на совершенствование государственной политики в рассматриваемой сфере.

Научно-периодические издания, выпускаемые образовательными организациями ФСИН России, – это хорошая традиция, которая способствует развитию научного потенциала, повышению качества и количества фундаментальных и прикладных научных исследований по различным отраслям науки, выполняемых в интересах учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

В настоящее время, учитывая сложность и социальную значимость задач, решаемых уголовно-исполнительной системой и другими правоохранительными органами, на страницах «Пенитенциарной науки» обобщаются научные достижения авторских коллективов и отдельных ученых – представителей образовательных и научных организаций Российской Федерации и зарубежных стран, определяются тенденции и закономерности в решении проблем функционирования системы исполнения наказаний и правоохранительной деятельности.

Журнал обеспечивает консолидированную научную связь и поддержку исследователей из различных регионов России в ходе проведения ими научных изысканий и внедрения в практику решений, обусловленных актуальными проблемами уголовной ответственности, исполнения наказаний, предупреждения преступлений, юридической психологии и педагогики, развития уголовно-исполнительной системы и правоохранительных органов. Этим во многом предопределена рубрикация издания: «Юридические науки», «Психологические науки», «Педагогические науки». Публикуемые материалы исследований по указанным отраслям научного знания имеют общую направленность и обеспечивают комплексное освещение проблем совершенствования системы исполнения наказаний и правоохранительных органов в целом.

Так, в частности, в ВИПЭ ФСИН России в 2019 г. в рамках реализации основных мероприятий, предусмотренных вышеуказанным планом, проводились научные исследования по проблемам назначения и исполнения различных видов уголовных наказаний.

Новый подход к определению понятия преступности как суммы и совокупности преступлений, составляющих преступность, продемонстрирован в статье Ю. М. Антоняна[2]. Формулируется вывод о том, что понятие преступности включает в себя как преступления, так и лиц, их совершивших. Сведения о преступлениях должны включать в себя данные о характере, времени, месте, способе совершения уголовно наказуемого деяния, количестве соучастников, типе поселения (город, село и т. д.) либо транспорте, где оно имело место. Сведения о лицах должны содержать информацию о поле, возрасте, роде занятий или отсутствии их, национальной и религиозной принадлежности, уровне образования (начальное, незаконченное среднее, высшее, незаконченное высшее, среднее специальное), специальности, судимости и т. д. Подчеркивается необходимость типологизации преступлений и преступников по самым разным основаниям: степени общественной опасности, полу, возрасту, количеству судимостей, наличию семьи и постоянного места жительства и т. д.

Предметом исследования в статье Л. Л. Кругликова и А. Л. Санташова[3] стали теоретические и прикладные вопросы индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Дана объективная характеристика понятия, содержания, видов и соответствующих нормативных оснований индивидуализации уголовной ответственности, а также сформированы отличия ее от дифференциации. Индивидуализация ответственности в уголовном праве является наиболее широким и емким понятием, которое включает в себя все возможные проявления индивидуализации, допустимые с точки зрения уголовного закона: от отказа от уголовного преследования и освобождения от уголовной ответственности до разнообразных форм индивидуализации самой уголовной ответственности. Индивидуализация наказания и индивидуализация иных мер уголовно-правового характера составляют основное содержание индивидуализации мер уголовно-правового характера, то есть всех тех мер, через которые преимущественно реализуется ответственность в уголовном праве. Результатами ра-

боты стала научно обоснованная авторами статьи концепция межотраслевой индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве.

С. А. Боровиков исследует цели наказания, закрепленные в ст. 43 УК РФ[4]. Автор обращает внимание на сходства и отличия используемых подходов к определению цели уголовного наказания как в законодательствах разных стран, так и в различные исторические периоды, обосновывает необходимость критической оценки существующего законодательного решения. В ходе сравнительного анализа формулирует вывод о том, что действующая редакция целей наказания в уголовном законе определена чрезмерно широко, тем самым создается иллюзия их достижения, а в ряде случаев приходится вести речь о конкуренции целей между собой. Так, первая из указанных в ст. 43 УК РФ цель по восстановлению социальной справедливости есть качество, которое должно быть присуще наказанию. Вторая – исправление осужденного – представляет один из нескольких способов достижения первой. Однако самой целью наказания исправление осужденного не является. Третья из формулировок – предупреждение преступлений – в наибольшей степени являет собой цель наказания, однако выглядит довольно пространной и требует уточнения. Кроме того, в ней не содержится четкой направленности на человека, который может совершить или совершил преступление. Цель наказания должна быть одна и иметь единую направленность. В этой связи предлагается под целью наказания понимать удержание лиц от совершения преступлений. Единая и понятная цель наказания, с одной стороны, будет являться четким ориентиром при конструировании вида и размера как основного, так и дополнительного наказания в санкциях статей Особенной части, а с другой – позволит судам избирать наказание, наиболее соответствующее предполагаемому результату.

Как и в прошлые годы, приоритетными направлениями исследований стали социально-правовые проблемы ресоциализации и социальной адаптации осужденных, социализация производственно-хозяйственной и финансово-экономической деятельности уголовно-исполнительной системы.

Так, в статье А. А. Кольева и М. В. Сухаревой[5] рассмотрены результаты реформирования промышленного сектора уголовно-исполнительной системы, процесс образования центров трудовой адаптации осужденных и производственных (трудовых) мастерских, актуальность развития маркетинговой деятельности во ФСИН России; представлено описание проблем организации производственной, в том числе маркетинговой, деятельности в учреждениях УИС, связанной с реализацией положений Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и других нормативных правовых актов. Основным результатом проведенного исследования является разработка предложений, направленных на изменение нормативно-правовой базы и реализацию мероприятий организационного характера для повышения уровня трудовой занятости осужденных, эффективности маркетинговой и производственной деятельности учреждений пенитенциарной системы.

Анализ наиболее актуальных направлений учебно-воспитательного процесса в исправительных учреждениях с целью выявления условий для профессионального самоопределения осужденных и их базовой подготовки к освоению рабочих профессий проведен О. М. Писаревым и А. А. Ефименко[6]. В контексте рассматриваемой проблемы основным механизмом, по мнению авторов, может выступить проводимая персоналом пенитенциарных учреждений воспитательная работа с осужденными, ориентированная на дифференцированный и комплексный подход. Индивидуальная работа позволит сформировать у осужденных нравственные, физические и трудовые качества для достижения материальных благ посредством образования и труда. Представляется важным, что для организации эффективной воспитательной работы с момента пребывания в карантинном отделении необходимо оказать осужденному психологическую поддержку и обрисовать перспективу в получении образования, выбора интересующей рабочей специальности. Акцентируется внимание на выстраивании необходимого взаимодействия со службой занятости с возможностью трудоустроиться после освобождения из мест лишения свободы. Проведен анализ нормативно-правовой литературы, регламентирующей порядок организации учебного процесса осужденных. Сформулирован вывод, что учебно-воспитательный процесс в исправительных учреждениях необходимо реализовывать с учетом дальнейшего совершенствования воспитательной и психологической работы посредством эф-

фективного взаимодействия начальников отрядов, психологов, учителей школ, мастеров профессиональных училищ.

Актуальные проблемы воспитательной, социальной и психологической работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы рассматривались в статьях С. В. Маришина[7], М. А. Черкасовой[8], Т. А. Басиной[9], В. Г. Рогача[10].

Идею справедливости в философском понимании права рассматривает доктор философских наук Н. С. Оботурова[11]. В своей работе она анализирует классические концепции справедливости в истории и философии права, выясняет соотношение справедливости и права, равенства и справедливости в историческом и современном контекстах. Автор считает, что современное философско-правовое понимание справедливости невозможно без ее взаимосвязи с правами человека. При этом права человека необходимо рассматривать как феномен, имеющий не только юридические, но и нравственные, социокультурные характеристики и выражающий общие условия, при которых в правовом сознании и деятельности может быть реализована идея справедливости.

Компаративные исследования в пенитенциарной сфере России и зарубежных стран, совершенствование образовательного процесса и методики преподавания отдельных дисциплин рассматривались в статье Е. В. Храбровой и Д. А. Павленко[12]. В частности, анализировались различные формы воспитательной работы, используемые в России и Беларуси, с акцентом на специфических формах, таких как заседания советов коллективов и их секций, подготовка коллективных и индивидуальных трудовых обязательств, конкурсы и слеты передовиков труда и примерного поведения, рационализаторов и изобретателей и др. Воспитательная работа с осужденными является средством их исправления, что закреплено в уголовно-исполнительных кодексах Российской Федерации и Республики Беларусь. В настоящее время существуют разнообразные классификации форм данной работы. В УИК РФ закреплены индивидуальные, групповые и массовые формы воспитательной работы с осужденными. Белорусский законодатель не преследует цель урегулировать все формы и методы ее организации, так как данная деятельность носит педагогический характер.

Данный обзор знакомит читателя с дискуссиями, идеями по нескольким направлениям выбранного объекта исследования – уголовно-исполнительной системы. Этот мини-обзор материалов, опубликованных в научно-практическом журнале «Пенитенциарная наука», не является исчерпывающим, а представляет концентрат взглядов на современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Представленные в статье научные разработки будут полезны как для исследователей данной проблематики, так и для студентов и аспирантов, обучающихся по дисциплинам юридического профиля.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Об утверждении плана мероприятий по реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р : приказ Минюста России от 28.11.2016 № 265. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Антонян Ю. М. Что такое преступность // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4. С. 461–467.

[3] См.: Кругликов Л. Л., Санташов А. Л. Теоретико-прикладные проблемы индивидуализации ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве // Там же. С. 468–475.

[4] См.: Боровиков С. А. О конструировании цели наказания в уголовном законе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 1. С. 50–53.

[5] См.: Кольев А. А., Сухарева М. В. Правовые и организационные аспекты маркетинговой деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 3. С. 386–391.

[6] См.: Писарев О. М., Ефименко А. А. О некоторых направлениях совершенствования учебно-воспитательного процесса с осужденными в исправительных учреждениях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 1. С. 116–120.

[7] См.: Маришин С. В. К вопросу об особенностях эмоциональных состояний лиц, находящихся под следствием // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4. С. 569–575.

[8] См.: Черкасова М. А. Особенности эмоционального интеллекта у мужчин, осужденных за насильственные виды преступлений // Там же. Т. 13, № 3. С. 422–426.

[9] См.: Басина Т. А. Особенности самоотношения у курсантов с разным уровнем склонности к манипулированию // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 1. С. 141–146.

[10] См.: Рогач В. Г. Характеристика психологического благополучия сотрудников уголовно-исполнительной системы, реализующих профессиональную деятельность в условиях непосредственного взаимодействия с осужденными // Там же. Т. 13, № 2. С. 278–284.

[11] См.: Оботурова Н. С. Идея справедливости в философском понимании права: история и современные контексты // Пенитенциарная наука. 2019. Т. 13, № 4. С. 456–461.

[12] См.: Храброва Е. В., Павленко Д. А. Организация групповых форм воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях в России и Беларуси // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 2. С. 294–298.

[1] Sm.: Ob utverzhdenii plana meropriyatij po realizacii polozhenij Koncepcii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda, utverzhdennoj rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r : prikaz Minyusta Rossii ot 28.11.2016 № 265. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
[2] Sm.: Antonyan YU. M. CHto takoe prestupnost' // Penitenciarnaya nauka. 2019. T. 13, № 4. S. 461–467.
[3] Sm.: Kruglikov L. L., Santashov A. L. Teoretiko-prikladnye problemy individualizacii otvetstvennosti v ugolovnom i ugolovno-ispolnitel'nom prave // Tam zhe. S. 468–475.
[4] Sm.: Borovikov S. A. O konstruirovanii celi nakazaniya v ugolovnom zakone // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2019. T. 13, № 1. S. 50–53.
[5] Sm.: Kol'ev A. A., Suhareva M. V. Pravovye i organizacionnye aspekty marketingovoj deyatel'nosti v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Penitenciarnaya nauka. 2019. T. 13, № 3. S. 386–391.
[6] Sm.: Pisarev O. M., Efimenko A. A. O nekotoryh napravleniyah sovershenstvovaniya uchebno-vospitatel'nogo processa s osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2019. T. 13, № 1. S. 116–120.
[7] Sm.: Marishin S. V. K voprosu ob osobennostyah emocional'nyh sostoyanij lic, nahodyashchihsya pod sledstviem // Penitenciarnaya nauka. 2019. T. 13, № 4. S. 569–575.
[8] Sm.: CHerkasova M. A. Osobennosti emocional'nogo intellekta u muzhchin, osuzhdennyh za nasil'stvennye vidy prestuplenij // Tam zhe. T. 13, № 3. S. 422–426.
[9] Sm.: Basina T. A. Osobennosti samootnosheniya u kursantov s raznym urovnem sklonnosti k manipulirovaniyu // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2019. T. 13, № 1. S. 141–146.
[10] Sm.: Rogach V. G. Harakteristika psihologicheskogo blagopoluchiya sotrudnikov ugolovnoispolnitel'noj sistemy, realizuyushchih professional'nuyu deyatel'nost' v usloviyah neposredstvennogo vzaimodejstviya s osuzhdennymi // Tam zhe. T. 13, № 2. S. 278–284.
[11] Sm.: Oboturova N. S. Ideya spravedlivosti v filosofskom ponimanii prava: istoriya i sovremennye konteksty // Penitenciarnaya nauka. 2019. T. 13, № 4. S. 456–461.
[12] Sm.: Hrabrova E. V., Pavlenko D. A. Organizaciya gruppovyh form vospitatel'noj raboty s nesovershennoletnimi osuzhdennymi v vospitatel'nyh koloniyah v Rossii i Belarusi // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2019. T. 13, № 2. S. 294–298.